

Aleksandr Shchipkov (social scientist)

From Wikipedia, the free encyclopedia

Aleksandr Vladimirovich Shchipkov (Russian: Александр Владимирович Шипков) (born 3 August 1957, Leningrad, USSR) — russian

sociologist of religion, political scientist, specialist in church-state relationships, journalist, Ph.D. in Philosophy

"RELIGARE for Social Research.

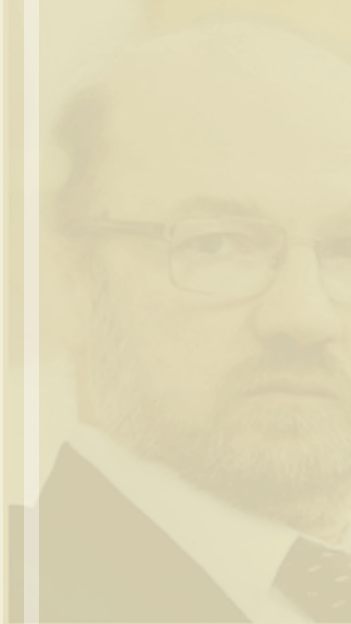
- «Экспертное сообщество делится сегодня не на либералов и консерваторов, а на постмодернистов и традиционалистов».
- «На умерших должно распространяться понятие «права человека». Они умерли, а права у них остаются. Включая политические и социальные».
- «Вы знаете, почему русские победят американцев? Потому что американцы за свою родину готовы убить, а русские за свою родину готовы умереть».

Biography (edit)

In the 1970s and 80s Shchipkov was active in the Orthodox underground resistance and was eventually prosecuted. Shchipkov was expelled from the institute for his religious beliefs and joined the army. Working as a factory worker in Smolensk and Leningrad until 1991. His first works were published and distributed via samizdat. After 1991, Shchipkov worked in newspapers, television of Saint Petersburg and Moscow. He also taught the sociology of religion and engaged in scientific research.

After 1991, Shchipkov worked in newspapers, radio and television of Saint Petersburg

Aleksandr Shchipk

Native name	Aleksandr Vladimirovich
Born	3 August 1957 (age 67) Leningrad, USSR
Citizenship	Russia
Nationality	Russian
Fields	Religious studies, Sociology of religion
Known for	sociologist of religion

Александр Шипков

ДО И ПОСЛЕ ПОЛИТИКИ

Александр Шипков

ДО И ПОСЛЕ
ПОЛИТИКИ

Александр Щипков

**ДО И ПОСЛЕ
ПОЛИТИКИ**

Москва
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5
Щ 86

Щ 86 **Щипков А.В.**
До и после политики / А. В. Щипков. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2016. – 132 с.

ISBN 978-5-98604-573-3

Книга Александра Щипкова «До и после политики» написана на стыке жанров. Политические эссе перемежаются в ней с короткими случаями из жизни, которые тяготеют то к рассказу, то к стихотворению в прозе, то к религиозной притче. Читатель вместе с автором проедет в поезде «Мариуполь – Ленинград», встретит Яблочный Спас в Тарусе, заглянет в бездны современного нацизма, обратится к наследию поэтов русского Бронзового века – Николая Заболоцкого и Олега Охупкина. Шахматная, а в чём-то и мозаичная композиция книги отражает стремление автора и его единомышленников оставаться людьми в зверином мире политики. Автор стремится уберечься от двух искушений: подчинить свою душу политическим стихиям или, напротив, бежать с поля боя. И то и другое его не устраивает. Ведь, как говорил Шарль Монталамбер, «вы вольны не заниматься политикой, но в таком случае политика сама займётся вами». В этой ситуации трудный разговор о политике требует особой искренности и интеллектуальной честности.

ISBN 978-5-5-98604-573-3

© Щипков А.В., 2016
© ПРОБЕЛ-2000, 2016

**Книга издана при содействии
Всемирного Русского Народного Собора**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Олег Охупкин (1945–2008)

ПАМЯТЬ

*В память вечную будет праведник.
От слуха зла не убоится.*

И мы оставим память о себе
На этой вот земле, земле России,
Но вечную ли память, – вот вопрос –
Вопрос для нас и для самой России.
Ведь жили мы не о едином дне,
Но будто бы и время нас не знало,
И потому ушли туда, где нет
Ни времени и места, ни того,
Что звали мы своим в родной России.

Но и в такой беде запомнят нас.
Мы жили для того, чтоб наше дело
Не нашим, но вселенским нарекли,
И в этом – наше самоотречение,
Неколебимый православный Крест,
Неколебимая России вера.
И если что останется от нас
На кровной и прославленной земле –
Великий день Димитровской субботы.

Да, воины мы были. Наша брань
Останется другим. И слава Богу.

Без бранного святого ремесла
Нет Церкви, нет семьи и нет России.
Воинствуя и жили мы. И смерть
Была для нас таинственной победой.
И в радости, и в муке, и в слезах
Мы оставались верными, никтоже
Да не изблещит и наше горе.

И наша память в землю перейдет
И станет нашей Родиной священной,
Откуда нас, работников Своих
В Пасхальный день восставит Бог России,
И вечною тогда и наша память
Да явится из тайны наших дел,
А ложная молва да сокрушится
Как призрачная сила клеветы
Пред явленной мощью нашей правды.

(14.04.1982, Ленинград)

ГДЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ИЩУТ НЕФТЬ

Любимое занятие интеллигента – ожидание у моря погоды. От отмены 6-й статьи ждали свободы мнений, но не дождались. Потом выстроились в очередь за невидимой рукой рынка, которая наведёт в стране порядок, и стоят, ждут до сих пор.

Время течёт, но нравы образованного сословия ни на йоту не изменились. А его коллективный ум по-прежнему пытлив и склонен к конспирологии. За видимой рукой Минфина очень хочется видеть ту самую, «невидимую». А ещё диверсификацию вкупе с оптимизацией, модернизацией и прочую метафизику эффективности.

Что сегодня на повестке дня у мыслящего слоя? Конечно же, судьба российского либерализма. Тема неувядающая, как и всякая «кризисная» тема. Но уровень абсурда в стране порой зашкаливает и уже не получается привычно искать стрелочника. Остаётся вспомнить мудрость водопроводчика: систему надо менять. А менять систему в России – это значит менять идеологию.

В отношении к собственной идеологии интеллигентское комьюнити, похоже, готово поделиться на две примерно равные части. Одна по-прежнему уверена в том, что во всём виноват не избыток, а недостаток либерализма: мол, принимается эта идеологическая микстура в недопустимо малых дозах. А рубить собаке хвост (то есть стране – остатки её идентичности) лучше сразу. Чтобы не осталось времени на лишние мерехлюндии. Вот распустили бы РАН единым росчерком пера – и порядок! В общем, нормальный такой фундаментализм.

Другая половина более вдумчива и более совестлива. Она готова отделить практику от теории ради спасения своего символа веры. Всё, что исходит из высоких министерских кабинетов, – соглашается она, – это глубочайшая политическая ересь, не имеющая ничего общего с единственно верным и всесильным либеральным учением. Какие же это либералы? Нет, это самозванцы, запятнавшие великую идею.

Весь юмор ситуации заключается в том, что она до боли напоминает советскую историю с отстаиванием «ленинских норм» в период хрущёвской оттепели. Знакомая картина: идеологическая ящерица отбрасывает хвост. Вопрос лишь в том, как долго эти хвосты будут служить фетишем для общественного мнения.

В обход баталий, сопровождающих раскол либеральной паствы, следует напомнить очевидное. Либерализм в классическом виде давно невозможен. На дворе денежный феодализм. Власть финансовых институтов сводит на нет честную конкуренцию. Путь назад, в XIX век, закрыт, о нём можно благополучно забыть. Поздно заботиться о чистоте учения.

Но разгадка феномена «плохого либерализма» состоит не только в этом. Рискну высказать крамольную для либерал-ортодоксов мысль. Она тоже самоочевидна, но пока ещё психологически отторгается теми, кому трудно лишиться себя этой идеологической подпорки. Точно так же в девяносто первом году ветераны компартии отказывались верить в распад СССР.

Так вот. Либерализм в бедных странах, в том числе в России, по определению может быть только и исключительно авторитарным, то есть пиночетовского образца. Или не быть вообще. Третьего не дано. Почему?

Не секрет, что в России, как и во всех странах с преобладанием бедного населения, большинство людей выключено из экономической жизни. В такой ситуации «экономическая свобода» невыгодна большинству, поскольку делает это бедное большинство ещё беднее. Конечно, российский «пиночет», то есть коллективный разум нашего финансово-экономического блока, может обойтись и обходится без расстрелов на стадионах. Достаточно просто отменить национальную науку и систему образования, ввести платные школьные «услуги», что в перспективе ведёт к новому сословному обществу. И установить контроль за семьями в форме соцпатроната и под предлогом борьбы с социальным неблагополучием. А заодно отменить, как предлагала ВШЭ, «материн-

ский капитал». Всё, круг замыкается. Схема отработана и доведена до совершенства.

Каков же в таком случае идеал, который диктует обществу навязчивый либеральный мем российских элит? В идеале должен получиться красивый газонептепровод в обрамлении «Макдональдсов» (для населения), коттеджей (для благородных донов) и ракетных установок (против чересчур ретивых конкурентов). Больше ничего не надо.

В приложение к этой картинке снобистское выражение «эта страна», увы, обретает плоть и кровь. «Эта» значит ничья. Не неправильная или плохая, а именно ничья. Без народа, без нации. Как ни горько это сознавать, речь идёт о превращении России в техническое пространство для сырьевых корпораций, а её стремительно сокращающегося населения – в обслуживающий персонал. Сегодня Россия – это страна, где джентльмены ищут нефть, и только.

Ничего другого у нас по большому счёту не происходит. В глубине души это понимают и самые убеждённые либералы. Но их эта ситуация по тем или иным причинам устраивает.

Бахрах

Я поступил в первый класс в 1964 году. Наша учительница Любовь Владимировна Бахрах была сталинисткой. В октябре она зашла в класс и заставила нас выдрать из букварей портрет Хрущёва и разорвать его на мелкие кусочки. Каждый в одиночку по журнальному списку подходил к урне, которая стояла возле шкафа с запасными перьями и чернилами, и выбрасывал в неё Хрущёва. Затем весь урок она рассказывала о том, каким великим был Сталин. Любовь Владимировна торжествовала. Она гневно говорила нам что-то совершенно непонятное о «хруще». У неё текли слёзы. Это одно из моих самых ярких детских воспоминаний. Она была карлицей. Одного роста с нами – первоклассниками. Маленькая, сухая, старая и очень жёсткая. Мы её боялись. Вечером мама говорила мне о Сталине и всё, что она думает о моей учительнице.

С нами в классе учился немой мальчик Серёжа. Он слышал, но говорить не мог. Только мычал. Он сидел на первой парте прямо перед Бахрах. Она никогда не делала ему никаких скидок и поблажек. Каждый день он отвечал у доски и читал вслух стихи, которые нам задавались. Он мычал свои арифметические ответы у доски, мычал стихи. Она бранила его за ошибки так же строго, как и нас. И мы не догадывались, что он серьёзно болен. Мы даже не понимали, что он немой. Мы были равны, вместе учились, дрались с ним, гуляли с ним в парке. Между нами не было никакой разницы. Через год или два родителям удалось устроить его в специальную школу для лечения, его увозили в Москву. Мы прощались с ним в классе. Он принес кулёк с конфетами «Подушечки». Любовь Владимировна встала и сказала, что очень благодарна всем нам за то, что мы были добрыми детьми и никогда не обижали Серёжу. И неожиданно низко поклонилась нам в знак благодарности. Мы все заплакали.

НАЗАД, К ЗАБОЛОЦКОМУ!

Есть поговорка: «Когда пушки говорят, музы молчат». И наоборот. Если нет войны, стоит вспомнить о высоком.

В блогосфере переход от политики к эстетике происходит постепенно. Пока первенство по цитированию держит стих Иосифа Бродского «На независимость Украины». Тот самый, который издатели поэта замалчивали по причине вопиющей неpolitкорректности. Как воспринимать эти строчки, брошенные в сердцах в украинскую сторону?

*Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы...*

Уж не пророчество ли это «евроинтеграции» вкупе с неизбежным «трансгуманизмом»? Но Бродский мне не близок, и вообще хочется забыть о политических сценариях и поговорить только о поэзии и поэтах.

Статус поэта в России всё время меняется. В 1990-е поэты ходили в «экспертах», их приглашали на телевидение.

В Петербурге они жили в состоянии творческого хаоса, зато отливали стихи в гранитные формы, вплоть до гекзаметра. В Москве наоборот: писали как безумцы, а жили жизнью клерков. Поэт мог сказать: «Пять раз в неделю хожу на литературные вечера как на работу».

Потом эпоха сменилась. Поэзия выплеснулась в быт. И когда одна некогда модная поэтесса оказалась кем-то вроде наркодилера, «рукопожатная» публика заявила: суд над ней – это происки спецслужб.

В 2000-е годы кончилось время «текста» и началось «время жеста».

Жест доходчивее печатного слова и почти не требует владения культурным контекстом. Зазвучало ставшее сегодня привычным: «Как, вы не нарушаете табу?! Нет, это не искусство!» Но сегодня уже и жесты тонут в информационном шуме. Поэты уходят в блоги, выме-

тают за порог «лишнюю» культурность и живут в своей литературной песочнице.

На портале stihi.ru до сих пор уверены, что освободились от «ложных иерархий». Правда, качество стихов «вне иерархий» не впечатляет.

Когда-то Пушкин признал очевидное: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать». Сегодня продаются не рукописи, а харизмы и блогерская популярность. Поэт без блога меньше, чем поэт... Есть даже признанные творцы, не написавшие ни строчки...

А ведь было время, когда поэзия владела умами, не опускаясь до идеологии. Почему? Потому что она изначально сакральна. Поэзия говорила о том же, о чём говорит религия. В какой-то момент даже казалось, что они конкурируют. Может быть, настало время собирать камни – вернуться к героям прежних времён.

И кому не нравится Бродский, того, возможно, утешат строчки Николая Заболоцкого. А ведь это один из лучших русских поэтов XX века. Он чувствовал все оттенки русского менталитета, выхолощенного в советскую эпоху. И это стало одной из причин, по которым поэт был невинно осуждён.

Непонятно, почему стихи Заболоцкого до сих пор не возведены в должный ранг. Ведь другие литературные «жертвы режима» получили в 1990-е свой «респект» и «уважуху».

Получается, реабилитация – тоже не для всех?

Прислушаемся к этим стихам. Вот Заболоцкий пишет о «Голубиной книге», вспоминая рассказ о «правде и кривде». То есть – о справедливости. Ведь справедливость – это основа, нравственный центр русской традиции.

*И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.*

*Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.*

А вот – стихи на крымскую тему. «Воспоминания о Гурзуфе».

*В Гурзуфе всю ночь голоса петухи.
Здесь улица – род коридора.
Здесь спит парикмахер, любитель ухи,
Который стриждёт Черномора.
Царапая кузов о камни крыльца,
Здесь утром автобус гудит без конца,
Таща ротозеев из Ялты.
Здесь толпы лихих санаторных гуляк
Несут за собой аромат кулебяк,
Как будто в харчевню попал ты.
Здесь две затонувшие в море скалы,
К которым стремился и Плиний,
Вздыхают из влаги тупые углы
Своих переломанных линий.*

Теперь Крым снова часть нашего русского мира. И это своего рода урок. Россия не должна забывать своих героев. Ни военных, ни литературных.

Солженицын

Я «Раковый корпус» и «В круге первом» читал только по-французски. Случилось это так.

Маму в 1973 году отправили с группой преподавателей провинциальных педвузов на три месяца в университет Монпелье по какому-то обмену на их преподавателей, которые приехали в СССР. Мы тогда с французами крепко дружили и французскими комедиями завалили все кинотеатры.

Мама ходила в книжную лавку и прямо там, у полок читала запрещённую в СССР литературу. Хозяин магазина заметил её, расспросил, откуда она, и разрешил читать у него в кабинете. Там она перечитала по-французски Шаламова, Солженицына и др. А в конце её пребывания хозяин подарил ей «Раковый корпус» и «В круге первом». Везти в СССР это было немыслимо, но они придумали перехитрить советскую власть. Этот милый француз оторвал обложки, заказал переплёт красного цвета с названиями романов Жан-Жака Руссо – «Исповедь» и «Новая Элоиза»...

Разумеется, мамушку мою поймали и посадили бы ещё тогда, в 1973-м. Но ей повезло. Одним рейсом с преподавателями возвращалась сборная по футболу, которая кого-то обыграла в Париже. Их во Внуково встречали с цветами прямо у трапа и провели минуя таможенный досмотр. А вместе с ними пропустили и скромных преподавателей французского языка.

Эти красного цвета книжки до сих пор живут у нас на полке. А вот по-русски я так их и не прочёл.

ПОЭЗИЯ ОХАПКИНА И АРХЕОАВАНГАРД

О чём никогда не забывают упомянуть биографы поэта Олега Охупкина, родившегося в Ленинграде 12 октября 1944 года и скончавшегося в Петербурге 30 сентября 2008 года? Верующая семья, влияние на будущего поэта бабушкиной подруги – «иоаннитки» (Евдокии Ивановны Горшковой), чем-то похожей на хрестоматийную Арину Родионовну... А ещё пение в хоре Александро-Невской Лавры и наблюдение за монастырским старчеством... Потом, много позднее, неприятности, возникшие из-за тесных связей с православным подпольем, – арест был реален и близок. Наконец, тесное знакомство с психиатрией... Этих фактов достаточно, чтобы нарисовать образ православного отрока в огненной печи советского режима – юродивого поэта, проводившего жизнь в стихах, молитвах и больничных палатах. Вывод: Охупкин не вполне типичный, но очень яркий пример «внутреннего эмигранта», который спасался от советской действительности в лоне русской православной традиции.

Вот такое жизнеописание. Звучит убедительно, поскольку всё сказанное – чистая правда. Но для друзей и читателей Олег Охупкин в первую очередь поэт. Один из лучших поэтов своего времени. Он стоял среди собратьев по цеху особняком, не входил ни в круг «ахматовских сирот», ни в группу Анри Волохонского, ни в группу Владимира Эря или Виктора Кривулина. Всегда сам по себе, всегда своим путём. Часто говорят о его дружбе с Иосифом Бродским – дружбе «под куполом Смольного собора». И даже называют Охупкина учеником Бродского. Дело в том, что Охупкин, кем только ни работавший при жизни – кочегаром, рабочим в Эрмитаже, помощником геологов и археологов, – среди прочего возводил строительные леса в Смольном соборе. Там у него бывал Бродский, слушал его стихи и как-то обронил: «Через 20 лет ты получишь Нобелевскую». Эту историю Олег мне рассказывал задолго до того, как сам Бродский стал лауреатом.

И всё же эти свидетельства ничего не объясняют. Мало ли кто к кому ходил и кто с кем дружил в Ленинграде. Кроме того, поэзия Бродского и поэзия Охупкина стилистически разнятся. Скажем, охупкинское приращение к державинско-ломоновской одической традиции в меньшей степени присуще его товарищу. А наивный лирический «натурализм» и вовсе не похож на язык Бродского. Тут явно другая, более глубокая связь: не сходство, но родство.

И природа этого родства в том, что и в лице Олега Охупкина, и в лице Иосифа Бродского мы имеем мастеров, сочетавших модерн и традицию. Подобно Бродскому, Охупкин – архаист и новатор в одном лице. Вот та нить, за которую действительно стоит потянуть.

Взять, например, отношение к силлабике. Охупкин был из тех немногих, кто хотел возродить в России силлабическую поэзию, более всего связанную у нас с именем Симеона Полоцкого. Именно с подачи Охупкина Бродский заинтересовался силлабикой (отсюда «К стихам», «Подражание сатирам, сочинённым Кантемиром»). Это один из примеров «оживлённой» архаики.

С другой стороны, Охупкин наследует державинско-тютчевской линии. Он был избран первым лауреатом Державинской премии (1995 г.) с мотивировкой «за развитие российской оды». Золотому веку русской поэзии Охупкин наследует через голову Серебряного. И это уже Бронзовый век.

Наконец, Охупкин – автор множества стихов и поэм на религиозную тему. Прекрасное поэтическое переложение евангельской притчи о блудном сыне заканчивается неожиданно:

*Отец же о прошлом ни слова.
Тихонько с колен его поднял
И весело кличет слугу.
Душа его к пиру готова.
Он видит, что сын его понял,
И вот он пред сыном в долгу.*

*Велит привести им телёнка
Из лучших, заклать, веселиться.
И слуги не медлят. И стол
Накрыт. Господину ребёнку
Вернула чужбина. И льётся
Вино, ибо праздник настал.*

*Тем временем с поля усталый
Старшой возвратился и слышит
Веселье и пенье. Из слуг
Зовёт одного, чтобы малый
Сказал ему, что это пляшет
За гостя и с чего это вдруг.*

*«То брат твой пришёл, и отец твой,
Здоровым увидев сыночка,
Телёнка из лучших заклал».
Тогда, осерчав, что наследство
Братан промотал в одиночку,
И пляшет, он прочь усвистал.*

*Отец же за сыном вдогонку
Поднялся и вышел из дома,
И звал его. Сын же в ответ:
«Я рад от тебя и козлёнку
Остался б, но вот мне солома
За всё от тебя на обед.*

*Не я ли тебе в послушанье
И службу любую работу
Работал в то время, когда
Вот этот твой сын прилежание*

*Имел разве к шлюхам, и квоту
Свою расточал без стыда?»*

*«Но, сын мой! Всегда ты со мною.
Моё ль – не твоё без изъятья?
А брат твой родной пропал.
И вот он нашёлся. Больною
Душа была, порвано платье...
Был мертв он, и ожил, и встал».*

*Старшой омрачился на эти
Слова и ослабился как-то
Невнятно. «Отец, берегись!»
Но старец молчал. Только некто
Вздыхнул за спиною из плети.
Овца ли? Поди разберись.*

(1970 год)

Непонятное движение-вздых за спиной у отца после предостережений старшего сына – что это? После изложения библейского сюжета следует резкий срыв в подчеркнутый психологизм, в душевную непрозрачность, романтизацию (как-никак перед нами баллада). Этот синтез типичен для Охупкина.

Помимо библейских тем для него важна и петербургская тема. Свойственен ему и некий поздневизантийский «аристократизм», а с другой стороны – модернистские метафоры, переключки с Ахматовой, Пастернаком, Мандельштамом, барочное «совмещение далековатых идей». С третьей – подчеркнута наивный реализм, какая-то «митковская» открытость и непосредственность. И тогда Охупкин демонстрирует восхождение к почти музыкальным вибрациям закатного неба, чувство грустного очарования вещей на фоне весеннего подъёма или осеннего замирания природы.

Что получается в совокупности? Археоавангард. Вот откуда при стилистических различиях внутреннее родство с автором «Большой элегии Джону Донну».

Традиция? Да. Но сопряжённая с субъективностью и новизной. Туго натянутая, как струна, которой звенеть, да не оборваться. Не консервированная, но выпущенная на просторы времени. Это не преодоление, это обновление традиции. Это традиция как метод, а не как консервант.

И здесь тема требует некоторого расширения. Многим бросалась и бросается в глаза неопределённость, размытость критериев, которые применяют к спорам архаистов и новаторов, особенно в России. Так, раздумывая о хрестоматийной коллизии Карамзина и Шишкова, стоит задаться вопросом: почему первого считают новатором, а второго – замшелым консерватором? Ведь не кто иной, как Карамзин решил заменить ломоносовские «штили» «литературно грамотной» смесью галльского с нижегородским. Для этого пришлось менять славянизмы на кальки с французского, что довольно трудно назвать словотворчеством в полной мере. Новизна, но достаточно условная.

А вот Шишков с его «мокроступами» по меркам XX века выглядит едва ли не авангардистом. У карамзинских последователей читаем: «Пёстрые толпы сельских ораед сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит». Это вместо понятного: «Деревенским девкам навстречу идут цыганки». Чем карамзинизмы отличаются от шишковских «мокроступов», «гульбищ» и «ристалищ»? Пожалуй, тем, что вместо витиеватого словотворчества перед нами не менее витиеватые замены и заимствования. И ещё неизвестно, кто больший новатор, если иметь в виду исключительно законы языка.

Конечно, в популярном изложении всегда есть желание спрямить, сгладить ситуацию. А потому школьный курс литературы умалчивает о принадлежности к кругу шишковистов таких фигур, как Гавриил Державин и Иван Крылов, а к младшим архаистам – Грибоедова и Кюхельбекера.

Немало «архаики» и в творчестве русских авангардистов. И не только литературных. Фольклор – у Хлебникова и Гуро. Языческие мотивы – у Стравинского, Скрябина и Кандинского. Связь с иконными ликами у Филонова. Всё это, как и поэзия Охупкина, – примеры археоавангарда. А причина появления этого феномена заключается в том, что традиция и новация в искусстве находятся в крайне сложных, нелинейных отношениях, не подчиняются логике исключения «или – или». Патриархальность вполне может быть авангардна, а «модерность» заиграна и неинтересна. А в иных случаях они прекрасно дополняют друг друга, и поэзия Охупкина блестящее тому подтверждение.

Что такое археоавангард сегодня? Может быть, это знак постепенного расставания с эстетикой постмодерна, как знать. И хотя истоки этого явления уходят в XX век, в ближайшее время оно будет становиться всё более заметным.

Квадрига

Одно из самых сильных стихотворений Олега Охупкина — «Квадрига» — хранится у меня уже сорок лет. Его рукой, ровным почерком, ровными строками. Оно мне очень нравилось, и я попросил его у Олега. Он взял школьную тетрадку и записал. Через несколько дней, а дело было в 1974 году, у нас в вузе проходил вечер Андрея Вознесенского. То есть самого Вознесенского не было, а были его почитатели, как сейчас сказали бы — фанаты. И всё бы ничего (мне молодому тоже нравилось его «Ленка хищница, Ленка мразь...»), но на сцену выставили портрет А.А. с белоснежным шарфом на шее на фоне белоснежного московского храма. Выглядел он слишком благополучным, слишком сытым, на нынешнем сленге — гламурным. А православных в ту пору продолжали сажать. Да и вечер проходил в бывшем домовом храме — поруганном месте. И этот дурацкий гламурный портрет вывел меня, юного и опрометчивого, из равновесия. Под конец вечера разомлевшая публика читает Вознесенского. Каждый желающий поднимается на сцену. Читает своё любимое. Я поднимаю руку. Выхожу, достаю ту самую тетрадку и громко читаю «Квадригу», да не читаю, а кричу. От мощи охупкинского стиха в зале наступила гробовая тишина. Это вам не треугольная груша. В воздухе повисло ощущение контрреволюции и призыва к свержению советской власти. Всем было страшно. И мне тоже было страшно.

КВАДРИГА

Светлой памяти Пушкина

*Нет ничего ужасней и странней
Квадригой чёрной сросшихся коней.
Имперской бронзой ставшие навек,
Они тебя раздавят, человек!*

*Чудовищны четыре жеребца,
Застывшие под лаврами венца.
Звериная душа, металлом став,
Обесточила тварный свой состав.*

*Уже не всадник, слившийся с конем, —
Зверообразный памятник. На нём
Печатью узурпаторской узды —
Ездок, забравший чуткие бразды.*

*Уже не конь, что издали — кентавр —
Над колесницей лицемерный лавр, —
Таврёрный и подкованный табун,
А сверх всего — орёл, не то горбун.*

*Триумф когда-то горнего орла —
Звероподобье, в коем умерла
Прообраза божественная часть —
Над зверем человеческая власть.*

*Колёса не прибавили коню
Величия. С квадригой не сравню
Пегаса, распластавшего крыла
Превыше бронзы, лавра и орла.*

*Прекрасен и высок без седока
Сей конь, чьё беззаконье на века
Крылами попирает испокон
Звероподобный, вздыбленный Закон.*

(1972 год)

РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОБЕЖДАЕТ

Встреча в 2016 году Патриарха Кирилла и Папы Франциска для многих оказалась неожиданной. Хотя весь ход политических событий последних лет и месяцев подсказывал, что шаги этих двух духовных лидеров, направленные на изменение сегодняшней неблагоприятной международной ситуации, и их прямое вмешательство в международные процессы неизбежно.

Но ни в России, ни на Западе этот ход почему-то не просчитали. И только когда он был сделан, появилось ощущение его неизбежности и предрешённости. К сожалению или к счастью, такова судьба многих точных и своевременных решений.

По результатам встречи можно сделать три важных вывода.

Первое. Встреча Патриарха и Папы в Гаване, вопреки ожиданиям, в основном была посвящена не межцерковным проблемам. Она была нацелена на возможность предпринимать совместные политические усилия, вынося за скобки межцерковную тематику и догматические разногласия. Таким образом, подтверждена перспектива не *экуменистического* (не религиозного, не церковного, не мистического), а *политического* объединения конфессий для решения конкретных задач по борьбе с геноцидом. Объединения поверх всего того, что нас разделяет в чисто религиозном плане и без ущерба для традиций каждой конфессии. Сейчас мы наблюдаем кардинальное изменение повестки межцерковного диалога. Изменение, соответствующее духу нашего крайне беспокойного времени.

Второе. Плодотворная площадка для диалога возникла как результат внесения чётких морально-нравственных ориентиров в общие политические инициативы. И это не только плод многолетних усилий двух церквей, но и результат объективной трансформации идеологического пространства современного общества. Множащиеся национальные, цивилизационные и иные разногласия поставили мир на грань мас-

штабного конфликта, зарождение которого мы наблюдаем на Ближнем Востоке. Стало очевидно, что без возвращения Запада к традиционным христианским истинам – как в религиозном, так и в нерелигиозном их прочтении – не удастся уберечь мир от катастрофы.

Поэтому в «Декларации» православного и католического лидеров решительно осуждена дехристианизация современного Запада, проводящаяся под флагом секуляризации. Подвергнута критике ситуация, в рамках которой христианское милосердие изгоняется под предлогом толерантности, а христианские верующие и просто люди с христианскими моральными убеждениями – дискриминируются. Осуждаются геноцид христиан на Ближнем Востоке, религиозный и секулярный экстремизм, международный терроризм, дегуманизация и архаизация общества, рост социального неравенства и множасьщиеся военные конфликты. Отстаиваются семейные ценности, подтверждается недопустимость эвтаназии, аборт, применения биомедицинских репродуктивных технологий. Таким образом, в пространстве политического межцерковного диалога отражается важнейший идейный тренд – социальный и гуманный консерватизм.

Совпадение позиций двух духовных лидеров по основным общественно-политическим вопросам предопределило успех их встречи.

Третье. В совместную «Декларацию» вошли положения, которые ясно отражают позицию Русской Православной Церкви, российского общества и русского мира – в частности, по украинскому вопросу. В итоговом документе содержится прямое и недвусмысленное осуждение как прозелитизма, так и униатизма. Буквально сказано следующее: «Сегодня очевидно, что метод «униатизма» прежних веков, предполагающий приведение одной общины в единство с другой путем её отрыва от своей Церкви, не является путём к восстановлению единства». Упоминается завет апостола Павла «благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим. 15:20).

Термин «русская церковная дипломатия» отныне ни у кого не будет вызывать вопросов – сама жизнь даёт ему определение.

Крещение в Тарусе

Крещение-морозище-ветрище. Снег скрипит, как родной полёг. Солнце гуляет в чанах серебряных. Вода не вода уже – лёд. Три крестных хода – Истоминский, Соборный и наш с Воскресенской горки сливаются у Боголюбского источника. Колокола грохнули – слёзы из глаз. А в Москве отставной дьякон чужие грехи обличает. А нам в Тарусе свои бы побороть. И губы к кресту прикипают. И небо как кожа над головой.

Наблюдаю активную отстройку антицерковной мифологии, которая становится отправной точкой для наступления на православие в России.

Из «новой России» желают устранить всякую интимность соборной жизни, глубину национальной самодостаточности, основанной на Православии. А между тем духовное самостояние нации в Христовой вере – это и есть исконная формула европейской идентичности, о которой на словах так пекутся либералы во власти. Это и есть «европейский путь». На этом пути не надо ничего и никому доказывать. Надо лишь следовать национальному христианскому, для России – православному вектору.

Но нашей стране и нашей Церкви стремятся навязать совершенно иное самоопределение. После сухомытки истмата нам предлагают набор релятивистских «ценностей» постмодерна. С этих позиций понятия «святого», «сакрального», абсолютных нравственных критериев, да и сама категория нравственности – всё ставится под сомнение. Однако идеи плюрализма, политкорректности, оправдания греха не имеют ничего общего с церковными принципами духовного партнерства (так можно перевести на язык современной культуры понятия «соборности» и «общинности»). К умению слышать ушами, видеть глазами и чувствовать сердцем другого – брата по вере. Церковь ориентирована на обычай и традицию. Корпоративные сообщества светского мира – на материальные интересы. В Церкви доминирует доступность и доверие, в светском пространстве – конкуренция, публичность и театральность.

Культивирование обезличенного языка секулярного гуманизма (имеющего мало общего с реальным человеколюбием) заполняет пустоту, образовавшуюся после краха советской идеологии. Пустоту, лишённую признаков коллективного творчества, критического мышления и живой веры.

Но мы уверены в том, что Православие сегодня – это именно то, чего не хватает выхолощенному революциями, переворотами и перестройками идейному пространству русской мысли. Православие сегодня – это средоточие и рационализация народного сознания, очищенного от коммунистических и либеральных догм.

Внутри самой Церкви сегодня существуют немногочисленные кружки, сами провозгласившие себя «просвещённой элитой» всего церковного сообщества. Они болезненно и отчуждённо воспринимают литургичность церковной жизни. Выражают удивление и отчуждение при виде народного почитания Пояса Пресвятой Богородицы. Недоумевают, слыша о всецерковном молитвенном стоянии, призванном уберечь верующих от оскорблений и ксенофобии. Не содрогаются, когда враги Церкви бросают на поругание псам Её святыни. Сегодня они выдвигают Церкви ультиматум: если Церковь не заключит договор с носителями светской доктрины «общества потребления», не усвоит моральный релятивизм вместо заповедей, не примет «дорожную карту» светской Реформации – эти люди покинут Церковь и откажут ей в исторической легитимности, в праве на её собственное прошлое.

Таким образом, секулярные критики вольно или невольно повторяют идиомы государственной политики в отношении Церкви, сложившиеся ещё в советский период.

В большинстве своём эти люди являются статусной группой, обслуживающей ту часть властной элиты, которая обладает монопольным правом на формулирование госидеологии. Раньше это был научный коммунизм, сейчас – неолиберализм. Именно эта часть элиты наиболее враждебна и нетерпима к Православию. Ведь принципы православной Церкви – это соборность, справедливость и традиционные нравственные ценности. Такой набор культурных идиом не устраивает преобладающую часть истеблишмента, проповедующую идеи рыночного фундаментализма, новой сословности и власти финансовой олигархии.

Наши оппоненты упорно культивируют миф о Церкви как вспомогательном государственном институте. Это ложь.

На самом деле история РПЦ состоит из периодов её самостоятельности (эпоха Московского царства, период Смуты) и нахождения в плену у государства (синодальный романовский и советский периоды). Сегодня существуют все условия для церковной автономии, которая будет реализована, если Церковь сможет вернуть полагающееся ей социальное и политическое место в обществе.

Мы ждём, что новый круг задач, которые ставит перед собой государство, предполагает и восстановление справедливости по отношению к Церкви.

Мы ждём, что социально-политическая реабилитация Русской православной церкви после эпохи принудительного госатеизма будет наконец доведена до конца. Полная реабилитация Церкви – это историческая необходимость.

Об этом мы молимся сегодня.

СОЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ПРАВОСЛАВИИ

Верь, проси и не бойся!

Нас упорно призывают жить и относиться друг к другу по правилам зоны — «Не верь, не бойся, не проси».

Наше же православное правило должно звучать иначе — «Верь, проси и не бойся!». Так нас учит Христос.

Ядро любой национальной традиции — это общие ценности и модели взаимодействия людей в рамках этих ценностей. То есть социальная этика и морально-нравственный «код». Но такая этика, как правило, имеет религиозные истоки.

Ещё знаменитый социолог Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) утверждал, что любая религия связана с общественными устройствами, а не только с проблемой спасения души. Он исходил из идеи о том, что любая религия «помимо своей конечной (сотериологической) цели имеет и вполне конкретные общественные задачи, начиная с того, что любой религиозно-этический комплекс оказывает непосредственное влияние на общественные отношения, в том числе на экономику»¹.

Иными словами, сегодня веберовское утверждение — аксиома общественных наук. Из неё следует, что никакая общественная этика не может иметь других корней, кроме религиозных. Если связь с этими корнями прерывается, этика всё равно остаётся в подсознании нации. Её можно реконструировать методами гуманитарных исследований, а можно наблюдать воочию в кризисные и поворотные моменты истории. Например, во время Великой Отечественной войны очень многие солдаты, несмотря на официальный атеизм, обращались к вере.

Вполне очевидно, что важнейший элемент национальной культуры есть культура поведения. Но как определить социально-этическое и культурное ядро российской традиции на основе религиозного фактора? Если придерживаться веберовской формулы, получится следующее определение: «православная этика и дух солидарности» (то есть справедливости, товарищества и взаимопомощи). Это и есть специфици-

¹ См.: Тюренков М. Православная этика и дух солидаризма // Перелом. Сборник статей о справедливости традиции. М., 2013.

ческий русский этос². Важной его частью является идея справедливого общества. Перенос этого содержания от эпохи крестьянской «общины» к периоду попыток построить социальное государство закономерен. Он отражает социокультурную преемственность евангельских архетипов в русском обществе через посредство православия и православной церкви. Апостольское христианство, содержащее в себе идеал общинной справедливости, и общественная справедливость в России – неразрывные понятия.

В сущности, идея справедливости играет в русской традиции роль категорического императива. Даже революцию 1917 года вчерашние крестьяне воспринимали не как диктат воинствующего безбожия, а как приход высшей справедливости. При этом подлинные корни идеи социальной справедливости в русской традиции – не в политэкономических прописях марксистов, а в христианском сознании.

Более широкий, общекультурный контекст также обнаруживает тесное взаимодействие светского и религиозного. Даже узкий слой российской интеллигентской культуры, где светская и религиозная линии кардинально разошлись ещё в XVIII веке, испытывал это взаимопроникновение (вспомним произведения Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого). А уж в остальном обществе, – как говорится, «в народе», – это взаимодействие, взаимообмен светского и религиозного осуществлялись постоянно. Выражения вроде «это не по-христиански», «креста на тебе нет!», «побойся Бога» часто можно услышать из уст нерелигиозных людей. Светское общество несёт в самом себе нормы христианской этики.

Разумеется, и РПЦ, и духовенство других религий учитывают этот феномен социального начала в религии и работают с ним. В последние годы получили известность положения «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Напомним, что аналогичный документ существует и действует в Римско-католической церкви. Здесь Россия также следует мировым тенденциям.

² Этос (греч. ἦθος) – нрав, характер, душевный склад.

В последнее время набирает силу процесс социализации Церкви. В СССР такой процесс был невозможен, а в России 1990-х его искусственно заморозили. Между тем, например, в Польше социализация церкви прошла ещё в 1980-е годы. После ухода коммунистов никто не мешал польскому католицизму вернуться в свою социальную нишу. Поэтому сегодня вся консервативная часть политического спектра Польши пропитана католическими идеями.

В других странах Европы и Америки социализация прошла ещё раньше. В России она происходит с некоторой временной задержкой. Причина – слишком долгий период госатеизма, а также сегодняшние его рецидивы, от которых, к сожалению, не свободна часть политической элиты. Вспомним, как Михаил Прохоров попытался протолкнуть к рассмотрению так называемый «Религиозный кодекс», ограничивающий права верующих.

Тем не менее процесс социализации православия и других традиционных религий в России исторически неизбежен. Во-первых, он находится в русле мировых тенденций. В частности, этот процесс поддерживается запросом современного общества на «светскую религиозность», связанную с феноменом «постсекулярности», о которой в последние годы очень много говорят на Западе и, к сожалению, пока мало в России.

И во-вторых. Есть ещё один фактор, способствующий повышению роли религии в системе культурных основ российской цивилизации. Он касается уже непосредственно Церкви, которой в данный момент принадлежит особая роль в деле сохранения национальной традиции. Дело в том, что РПЦ оказалась единственным институтом исторической, дореволюционной России, который пережил советский период и сохранился до сегодняшнего дня. Именно он связывает нацию живыми нитями с её дореволюционной культурой. Историческая преемственность России всё ещё чётко не определена, поэтому Церковь невольно стала хранителем всей национальной традиции, а не только церковной. Конечно, это роль, скорее, «временно исполняющего обязанности», и

как только другие общественные или государственные институты захотят и смогут взять на себя эти обязанности, Церковь их уступит. Но пока такая ситуация не возникла.

Сегодня духовенство не только православное, но и всех традиционных религий ответственно за то, чтобы религиозная этика и культура укреплялись независимо от отношения тех или иных людей собственно к религии. В этом случае мы гарантированно обеспечим целостность и моральное здоровье российского общества, межнациональный и межконфессиональный мир.

Преображение

Нынче едим яблоки в виде яблок, свежего варенья, соков, тёртые, сушёные, печёные, мочёные, в шарлотке, пирогах, свои и дарёные, а теперь ещё и освящённые!

А что делать, коли у нас в саду 25 яблонь, самой молодой три года, самой старой — больше ста лет, её одному не обхватить руками. Таруса пропахла яблоками, они катятся вдоль дорог вниз к Оке, выстреливают из под колёс автомобилей, и это яблочное наводнение не остановить.

С Праздником, дорогие друзья! С Преображением Господним!

ГУМАНИЗМ КАК КВАЗИРЕЛИГИЯ

Озвученная весной 2016 года Патриархом Кириллом точка зрения Церкви на сущность исторического и современного гуманизма, а также на гуманистическую трактовку прав человека хорошо известна. С ней можно соглашаться или не соглашаться, но право Церкви как общественной организации её высказывать защищено Законом.

Поэтому появившееся в сети ответное «Заявление конгресса интеллигенции о “глобальной ереси человекопоклонничества”», критикующее позицию Церкви в несколько истерическом тоне, выглядит как избыточный жест – хотя, разумеется, правомерный по той же самой причине.

Выход «Заявления» предсказуем по времени (новый виток антирелигиозной пропаганды) и образу действия. В жанровом отношении этот довольно короткий текст напоминает печально известное «Письмо десяти академиков против клерикализации», которое увидело свет 22 июля 2007 года. За «Письмом» угадывалось желание столкнуть научное и религиозное сообщества. Попытка ничем не увенчалась, прежде всего потому, что сообщества эти давным-давно не разделены глухой стеной, они благополучно пересекаются. И во всём мире наука и религия давно делают одно общее дело, что и отражает статус науки теологии в западных университетах. Только в России признание этого статуса вызвало болезненную реакцию некоторых политически ангажированных кругов.

Нынешний манифест выглядит как попытка нащупать почву для гражданского конфликта, на этот раз между верующими и правозащитниками. Но и эта инициатива обречена на провал. В России существует огромное количество православных правозащитных организаций. И наоборот: большинство правозащитников с нерелигиозными взглядами, слава Богу, уважительно относятся к православным верующим. Если же небольшая группа, выделившаяся из правозащитного сообщества, стремится говорить от имени всего сообщества – это вопрос личной са-

моценки и завышенных социальных притязаний. Если стремится посеять семена конфликта – ну, это на совести авторов. Каждый выбирает работу по себе.

Что действительно вызывает интерес в «Заявлении конгресса», так это стилистика, выбор аргументации и глубина подтекста. Во-первых, имеет место слабенькая попытка сцепить друг с другом два явления: многовековую религиозную критику философии гуманизма и закон об «иностранных агентах». Это даже смешно комментировать. Например, в США аналог нашего закона благополучно действует аж с 1936 года. Критики гуманизма и трансгуманизма со стороны протестантских ортодоксов также хватает. Никого это не удивляет, никто из-за этого не ёрзает на стуле и не кусает себе губы.

Тезис о том, что Церковь якобы выступает против правозащитной деятельности – похоже, основной. Но никакой критики он не выдерживает. Всё как раз наоборот: Церковь выступает за правозащиту на основе нравственного понимания права. Тем самым она придаёт правозащитной деятельности реальный вес, стремится оградить эту сферу от влияния избирательного подхода, чтобы она не была заказной. Ведь именно избирательность в деятельности таких организаций, как, например, Amnesty International, мы постоянно наблюдаем. По сути одни и те же факты принимаются в одном случае с широко открытыми, в другом – с широко закрытыми глазами. Желание поставить защиту прав на рыночные рельсы понятно, но для настоящего христианина, разумеется, неприемлемо.

В чём противоядие? В нравственном подходе к праву. Но он невозможен в рамках философии гуманизма, где правовое равенство субъектов ничем не обеспечено. Это вещи достаточно банальные, хотя объяснять их в очередной раз всё равно приходится.

Но куда интереснее следующий пассаж: «...напомнить богослову Гундяеву, что Бог, создав человека по образу и подобию своему, наделил его свободной волей и что противопоставление Божьего и человеческого противоречит догмату о двух природах Христа».

Это уже что-то совершенно новое. Представители вышеозначенного конгресса, похоже, решили бить идеологического оппонента его же оружием, поскольку используют богословскую аргументацию. Защищать идеологию гуманизма с религиозной точки зрения и, следовательно, как религиозную же доктрину – ход неожиданный. Мы со своей стороны приветствуем обсуждение темы в богословском ключе. Поскольку для нас-то очевидно, что гуманизм представляет собой именно квазирелигиозное учение, которое, правда, имеет мало общего с апостольским христианством.

Примечательно то, как авторы документа понимают «образ и подобие» и две природы Христа. Как тождественность Бога и человека. Получается вот что: всё, что Бог может изменить, вправе менять и человек, на правах Его «подобия». На выходе имеем одно из двух: или ты язычник, если не признаешь этот «догмат» в таком прочтении, или должен признать «подобие» как божественно-человеческое тождество. Третьего варианта нет. Здесь уже даже не человек на месте Бога, как у ранних гуманистов. Здесь Человек-он-же-Бог. Что сказать? Свежо. Хотя, мягко говоря, небесспорно.

То, что мы видим, – по сути теологическая доктрина. Кратко изложен «символ веры»: человек как носитель образа и подобия Бога имеет право на произвол, поскольку тождественен Богу.

Что ж, по крайней мере в рамках данного документа гуманизм сам вскрывает свои религиозные предпосылки и выступает с позиций открытой религиозности. Претендует на то, чтобы считаться религией. Это хотя бы честно. Правда, термин «ересь» по отношению к такой позиции можно применять уже без оговорок и отсылок к историческим особенностям словоупотребления.

Традиционалист

Экспертное сообщество делится сегодня не на либералов и консерваторов, а на постмодернистов и традиционалистов. Я отношу себя к христианскому традиционализму.

«Традиционализм» всего два. Христианский и противоположный ему – нацистский. Сегодня Запад пронизан идеями национального, культурного и социального расизма, переходящего в нацизм. Эти идеи охватили восточную Европу и движутся в сторону России. Нам в очередной раз придётся это останавливать. Желательно превентивно, на идеологическом и политическом уровнях, чтобы миновать очередное кровопролитие.

БОЖЬИ МЕЛЬНИЦЫ ТРАДИЦИИ

Сегодня о традиционных ценностях говорят многие. Порой это звучит почти как в детском стишке: «Что такое хорошо и что такое плохо». Эта детскость и повторяемость могут немного раздражать. Мол, что нового вы, православные, нам хотите сообщить? В самом деле, какая, казалось бы, тут может быть рефлексия? Ценности либо принимают, либо ищут взамен другие. Но предмет для разговора всё-таки есть. Тем более с точки зрения христиан, у которых две родины – небесная и земная.

Мы, христиане, уранополиты. Наши ценности связаны с Царствием Божиим. Но эта нравственная основа находит себе применение только в рамках каждой отдельной традиции. Традиция по отношению к заповедям Христовым служит системой приводных ремней, или колес, которые, как на мельнице, превращают зерно в муку. Зерно вроде бы существует само по себе, но, не смолов муки, мы не можем испечь хлеба. Так же и с нравственностью. Вне традиции она словно «зависает». Когда происходит отрыв от традиции, нравственные параметры жизни становятся зыбкими, двоящимися, необязательными. Возникает пьянящее ощущение относительности, пресловутого «всё дозволено». Проникаясь им, человек дичает, катится по наклонной. А затем начинается ошутимый процесс износа всего социального организма, всех его структур. В чём причина такой зависимости общества от нравственности?

В том, что люди, отказавшиеся от традиционных ценностей, постепенно перестают доверять друг другу, теряют способность договариваться. Общество становится недоговороспособным внутри себя. Если нет морали, удержать его от распада и «войны всех против всех» может только тирания. Но ненадолго.

Оговоримся: мы никого не пытаемся воспитывать – мол, будьте хорошими, не обижайте стариков, соблюдайте Заповеди блаженства и Декалог. Все это знают сами, каждый отвечает за себя. Человек волен поступать по заповедям или вопреки им – в этом состоит свобода воли,

дарованная ему Богом. Мы ничего не навязываем, но лишь хотим указать на то, что у традиционных ценностей есть не только «духовная», но и практическая, даже утилитарная сторона. Это способ устройства общества. Вне традиции невозможен общественный договор, невозможно доверие людей друг к другу. При этом под словом «традиция» мы подразумеваем весь набор национальных, культурных, поведенческих, семейных традиций, если угодно – даже музыкальных или сельскохозяйственных. Все эти общественные регуляторы имеют разную степень обязательности и точности исполнения, но все требуют уважения и серьёзного отношения.

Может возникнуть вопрос: нет ли в таком подходе излишней принудительности? Нет, и вот почему.

Обратим внимание на то, что в Европе понятие «традиционный» употребляется в двух значениях: “traditional” и “conventional”. Первое – это традиции из глубины веков, которые не обсуждаются. Второе – это конвенции, которым тоже следуют, но которые заключаются здесь и сейчас, а потом могут меняться.

Почему традиции, подобно сладкому пирогу, имеют два слоя: один устойчивый, а другой – подвижный и текучий? Такова внутренняя диалектика человеческой жизни и человеческого ума, дарованная нам свыше. Без аксиом невозможно построение теоремы. Невозможно ничего доказать, не имея точки опоры в виде того, что не надо доказывать. Чтобы в чём-то сомневаться, надо в чём-то быть уверенным. Из этого исходит любое научное сообщество. Было бы странно, если бы нравственность и сфера общественных интересов были устроены по-другому.

Всякая свобода предполагает ответственность. Всякий нравственный поиск начинается с нравственных императивов: любви к старикам, помощи больным и неимущим, осуждения плясок на святынях. Если мы не опираемся на традицию, мы обречены на бесконечные споры, потому что у каждого будет своя правда.

Ещё один пример из области лингвистики. Есть английское выражение, эвфемизм, который иногда употребляют, когда говорят о чьей-

нибудь смерти: “join to majority” – «присоединиться к большинству». Дело тут не только в бессмертии души, но и в том, что на земле умершие оставляют след – свой вклад в традицию. В этом смысле традиция есть вечный исторический плебисцит. Это самый совершенный вид демократии, которым обладает человечество. Он не требует предвыборной кампании, политических плакатов и слоганов, подхода к урнам и заполнения бюллетеней. Люди голосуют самой своей жизнью, без отрыва от обычных семейных и прочих житейских обязанностей. Такие выборы – самые прозрачные на свете.

Правители, опирающиеся на традиции, де факто выбирают самый демократичный путь, какую бы форму правления они при этом ни избрали. И наоборот. В этом контексте интересна фраза Пушкина, брошенная им одному из великих князей: «Все вы, Романовы, революционеры». Александр Сергеевич оказался прав. Начав с разъединения народа в его церковном житии (Раскол) – через борьбу с крестьянским «миром» (общиной), обезземеливание, крепостное право, огосударствление Церкви и непопулярную войну, – Романовы привели страну к большевизму. Этот пример показывает, как работает принцип «больше традиции – больше демократии» (и наоборот). Если, конечно, понимать демократию традиционно, как интересы большинства, а не свободу мнений меньшинства.

Почему этот вопрос о защите традиционных ценностей так обострился в последнее время, стал болевой точкой общественной дискуссии?

Потому что традиции некоторое время назад был брошен серьёзный вызов. Запреты на ношение крестов, карикатуры на Мухаммеда, разрешение на однополые браки и террор «ювенальной юстиции». В России страсти кипят не меньше, чем на Западе.

Одни мечтают отделить Церковь от общества, другие считают «патриотизм» бранным словом и падают в обморок от словосочетания «иностранный агент», третьи противопоставляют религиозному «мракобесию» пещерный рыночный фундаментализм, стремясь перенести

дарвиновскую модель естественного отбора с животного мира на человеческое общество.

В какой-то момент возникла иллюзия, что можно жить в состоянии весёлой постмодернистской относительности. На выходе мы получили моральный релятивизм, подмену демократии политтехнологиями, упадок искусства, разгром института семьи, науки и образования. При этом много говорилось о том, что свобода лучше, чем несвобода. Правда, получалось почти по Оруэллу: одни почему-то всегда оказывались свободнее других.

К счастью, тенденция меняется. Появились первые признаки выхода из кризиса. Как и следовало ожидать, они заключатся в восстановлении нравственных норм. Введены нравственные фильтры для телеконтента (и не только), приняты важные законы по НКО и усыновлению, поддержанные большей частью общества.

Конечно, эти меры вызывают размежевание среди правящей элиты. Отсчёт периода нравственных приоритетов ознаменовался борьбой групп влияния, условно говоря, «чекистов» и «юристов». Но сам факт этого расслоения есть момент истины. А значит, это кризис в преддверии выздоровления общества. Представители элит сегодня вынуждены определиться: с кем они и за что. И мы видим, как вокруг традиционного политического тренда выстраивается всё более широкий консенсус.

Признаки консенсуса вокруг традиции наблюдаются и в Церкви. Православные чувствуют себя активной частью общества – духовным, социальным и национальным большинством. Интеллигентские группы, примыкающие к церковным кругам, тоже начинают это понимать.

Ещё недавно мы говорили о конфликте между Церковью и разными секулярными идеологиями, которые пришли на смену госатеизма. Их адепты настойчиво стучались в двери Церкви, в ультимативном тоне требуя заменить дух заповедей правилами секулярного общежития «в духе времени», которые непонятно кто, когда и для чего сформулировал. Словом, заменить Евангелие от евангелистов неким «евангелием» от Санта Клауса. Но трансформация светлого образа Николая Угодника

не может заменить Слово Божие, а новогодние прибаутки – свидетельства Писания.

«Партия Санта Клауса» внутри Церкви ещё недавно была подетски обидчивой и несговорчивой. Они готовы были считать провокацию Pussy искусством, зато стояние верующих к Поясу Богородицы вызывало непонятное разочарование и странную реакцию: «Кто все эти люди? Христиане ли они? Других вопросов мы не задаём». Но попытки выстраивать отношения внутри Церкви как в секулярном пространстве: власть, безмолвствующий народ и говорящая за десятерых интеллигенция – были утопией. Они противоречили принципу церковной общины, где все миряне изначально равны. Попытки заинтересовать Церковь «секулярной» повесткой сегодня выглядят фарсом.

Внутрицерковный консенсус фактически состоялся. Сегодня он укрепляется. Конечно, споры между единоверцами возможны – это естественное и хорошее дело, без этого жизнь церковная мертва. Но сегодня, Слава Богу, никто не стремится пугать оппонента обещанием раскола. Никто, как давеча, не грозит хлопнуть дверью и «уйти из Церкви». Горячность юношей, обдумывающих житьё, уступила место неспешным раздумьям. Ситуация в Церкви внушает больше оптимизма, чем в 1990-е, когда разные церковные «фракции» никак не могли договориться.

Пришло время не только думать о сиюминутном разграничении интересов, но и возвращаться к традиции как таковой. Иначе консенсус невозможен. А мы всё никак не изживём привычку гоняться за разноцветным туманом «весёлой» постмодернистской относительности. Но, как принято говорить у католиков, «Божьи мельницы мелют медленно». Рано или поздно получается мука.

Все остальные

В самом начале 1990-х мы частенько бывали на службе в одном из посёлков Лужского района Ленинградской области. Служивший там батюшка был человек малообразованный, чрезвычайно добрый и по-черномырдински косноязычный, отчего периодически выдавал отменные афоризмы. Например: «У престола Божия всегда сыт будешь». В смысле, что Господь не оставит, и особенно переживать по этому поводу не стоит. С матушкой они были бездетны и жили очень скромно.

На исповеди он становился на колени и громко голосил, помогая женщинам исповедоваться: «Грешила я, совершая аборт! Грешила я, изменяя мужу! Грешила я, красив губы перед причастием! Грешила я воровжбой!». И так минут пятнадцать. В конце он буквально рыдал, а вместе с ним рыдал весь женский приход. Мужчин там было – я с малолетними сыновьями да сторож. Прихожанки батюшку очень любили, поскольку знал он все изгибы женской души и всех их жалел.

Но на каждой литургии он неизменно повторял: «Сначала к Чаше подходят младенцы, потом отроки, потом отроковицы, потом мужчины, потом все остальные».

ХРИСТИАНСКАЯ РОССИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЕ

Русская идея социального государства по воле истории оказалась в более выгодном положении, чем в Западной Европе. Прежде всего потому, что общественно-экономический уклад России соответствовал, если пользоваться терминологией Иммануила Валлерстайна, модели мир-империи (с опорой на аграрный либо промышленный фактор), а не модели мир-экономики с её опорой на биржевой спекулятивный капитал. Наряду с Россией к модели мир-империи тяготела и Германия, что и определяло комплементарность двух стран в рамках геоэкономики. Отсюда и курс Антанты, а затем атлантистского альянса на столкновение интересов России и Германии с помощью политических инструментов, но вопреки геоэкономической логике. Эти усилия прилагались для фрагментации и разрушения пространства мир-империи, которое могло сложиться в Европе и стать противовесом атлантистской мир-экономике. Продолжением этих усилий является и курс на отрыв Украины от России, и попытки торпедирования проекта Евразийского союза.

В течение нескольких веков Россия копила уникальный опыт коммунитарных отношений и социальной демократии, связанный с феноменом крестьянской общины, земского самоуправления и артелями. При этом, например, хозяйственная община «освящалась» близостью и влиянием общины церковной. Так в аграрной России сложилась социальная модель, основанная на справедливости и солидарности. Несмотря на исторические катаклизмы, она сохранилась в исторической памяти нации, выйдя далеко за пределы крестьянского сословия и церковного мира.

Именно поэтому понятия «соборность», «община», «коллективное спасение» нельзя сужать до границ крестьянского вопроса и церковной проблематики. Они оказывали влияние на всю русскую жизнь. Сближение консервативно-религиозного и социального, «эгалитарного»

элементов в русском обществе было неизбежным. Если бы не борьба с общиной в ходе «аграрной реформы» в начале XX века и не события 1917 года, этот процесс мог бы привести к формированию русского христианского гражданского общества.

Предтеча современной социологии Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) утверждал, что любая религия связана с общественными устройствами, а не только с проблемой спасения души.

Исходя из этого можно определить социально-этическое ядро русской традиции. Если придерживаться при этом веберовской формулы, получится следующее определение: «православная этика и дух солидаризма». Это и есть специфический русский этос, характер. Он является неотъемлемым элементом европейской идентичности.

Помимо феномена общины русская социальная этика нашла выражение и в расширении понятия «соборность», то есть в выведении его за узкоцерковные рамки. Община как явление укрепились на русской почве и вышла за рамки крестьянского самоуправления именно потому, что несла в себе сакральный элемент, связывающий её с общиной церковной через понятие «соборности», а через неё и со всем остальным обществом. Эту связь в своё время чутко уловили славянофилы Аксаков и Хомяков.

Что же это за связующий сакральный элемент? По нашему мнению, он заключается в характерной для русского православия идее коллективного спасения. В упрощённом виде её можно расшифровать как «взаимопомощь в деле спасения души». Хорошо известна истина «спасись сам – и вокруг тебя спасутся тысячи». Как нередко бывает в таких случаях, возникает её обратное прочтение: «спаси многих – и спасёшься сам».

Единство земного и небесного, социальности и сотериологии – весьма характерная русская черта. Именно поэтому русская религиозность включает в себя обострённое чувство земной справедливости и солидарности.

Данная взаимосвязь создаёт образ русской этики как большого целого, некоего «морального холизма», значимого не только для повседневного поведения людей. Этот холизм, может быть, то самое качество русского сознания и русского социума, которое стало фактором складывания церковно-государственной «симфонии».

Перейдём к дню сегодняшнему.

Сегодня актуальным в российской и глобальной повестке дня является поиск новых форм для старой идентичности. Не годится ни разрыв с ней, ни антикварное поклонение отжившим институтам. Например, Европе необходимо возвращение к христианским ценностям, новая христианизация общества. Но это отнюдь не означает возврата к элементам средневековой теократии; светское государство остается светским. Речь идёт именно о ценностях.

Почему? Потому что христианские ценности – это глубинная основа европейской идентичности, отказываясь от которой, Европа перестаёт быть собой.

Перед Европой сегодня стоит задача вернуть себе свою идентичность – это требует долгого и непростого пути духовного «возвращения к себе». Перед Россией эта проблема стоит так же остро, как и перед другими европейцами. Наша задача быть впереди, а не в хвосте этого процесса. Для этого предстоит приложить много усилий.

Ситуация осложняется тем, что влияние компрадорских элит в России наносит удар по её культурной целостности и национальной идентичности, основанной на тех же самых европейских христианских ценностях. Это влияние выражается в резком недовольстве экспертократии и либеральных медиа фактом коллективного неприятия в России диктатуры меньшинств и «трансгуманизма», превращающего биологический статус человека в товар.

В силу этого неприятия согласно либеральной логике Россия не является в полной мере частью «западного мира», а значит, не является вполне европейской страной. Вывод, мягко говоря, неочевидный.

На первый взгляд воинствующее неприятие традиции, национальной идентичности выглядит парадоксально со стороны тех, чьё мировоззрение экономикоцентрично и подчинено догматам рыночного фундаментализма. На самом деле это закономерно и предсказуемо. Евгений Белжеларский, один из авторов социал-консервативного сборника «Перелом», пишет: «Самое печальное заключается в том, что либерализм колониального толка претендует не только на материальное, но и на духовное... Для оптимизации капитала надо оптимизировать дух. Именно этим и занимается либеральная идеология в таких странах, как Россия... В России удар воинствующего либерального антитрадиционализма в первую очередь направлен на традиционную религию, а также на память о Великой Отечественной войне, поскольку это два мощнейших фактора национального единства... Смириться с этим глобальные элиты не могут, нельзя допустить, чтобы в “модернизируемой” стране оставались в принципе не модернизируемые институты. Именно поэтому Церкви сегодня выставляют политические ультиматумы и навязывают концепцию секулярной Реформации» (Белжеларский Е. Логика и смысл современного либерализма. Перелом. М., 2013).

России предстоит сломать ряд клише и шаблонов западного восприятия русских исторических институтов. Прежде всего, необходимо планомерно преодолевать психологический барьер западных европейцев по отношению к византийско-православной традиции.

Культурная фобия западноевропейского сознания по отношению к византийству объясняется просто. Это подсознательный страх потери цельности, утраты собственного «Я». Западные европейцы прекрасно понимают, что византийство – часть европейской идентичности. И если в рамках русско-византийского сегмента Европы исконные христианские ценности сохраняются лучше, чем на Западе, там придётся не просто смириться с существованием «альтернативной Европы», но признать её лидерство в восстановлении христианской идентичности, которая на Западе в последние годы понесла явный ущерб.

В действительности национальное самоопределение и суверенитет на основе базовых христианских ценностей и есть основа подлинного, а не придуманного европеизма.

Но роль РПЦ в деле восстановления общеевропейской христианской традиции будет высока лишь в том случае, если Церковь в самой России сохранит автономию и не будет поглощена либерально-авторитарным глобалистским проектом. Если Церковь освободится от навязываемого ей сегодня либерал-православия и сделает выбор в пользу социал-православия, то она станет мощным социальным интегрирующим центром.

Если России удастся сохранить свою православную идентичность, она тем самым сбережёт и христианскую идентичность для всей Европы. Таким образом, Россия способна «вернуть Европе себя», то есть стать драйвером процесса возвращения «западного мира» к христианским ценностям.

Барды

У меня с бардами сложно. Трёх основоположников я не беру. Это отдельный разговор. А все остальные, которых я слушал в возрасте от 15 до 40, были мимолётны для меня, даже если бывали очень хороши. Я увлекался кем-нибудь из них, но меня хватало ненадолго. Например, Борис Алмазов (кстати, друг Путина в юности) или замечательный и, увы, покойный Гена Галкин. Я общался с ними, выпивал. Потом уставал и отходил.

Мне даже Никитины, Визбор, Дольский когда-то нравились. Сейчас слышать их невозможно.

Щербаков, Шаов, Иваси — я это называл «философия на трёх аккордах». Они слегка трогают верхнюю плёночку мозга, а людям кажется, что это глубины океана. Выдающийся образец посредственности, претендующей на мысль, — Макаревич.

Бардовская песня не может копать глубоко-глубоко. Она ограничена рамками своей КСПэшной культуры. Но у неё есть значительные эмоциональные возможности. И если она не мудрствует, а говорит эмоциями, то тут могут быть сильные вещи. Именно за это я ценил Алмазова и Галкина. Роман Матюшин — то же самое — мысль проста, но чувства глубоки. Но и тут нельзя обманываться — это эмоциональный пласт, ни в коем случае не духовный.

Да, собственно, и основоположники (все трое) стали великими за счёт того, что серьёзно осваивали свой эмоциональный пласт. Романтический — Окуджава, трагический — Галич и... многогранный, я бы сказал, мужской пласт — Высоцкий. Он культивировал мощнейшее мужское начало, которое реально было сильнее его психических возможностей. От этого он и умер. Но это три мощных таланта. Три исключения.

А вообще у бардовской культуры, на мой взгляд, есть возрастная ценз — минус пятьдесят. Умилиться, услышав очаровательного Хвостенко, я ещё могу, но погрузиться туда всерьёз уже нет.

МИФЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция умерла как сословие: социальное расслоение не обошло её стороной. Место интеллигенции занимают яппи и «креативные» менеджеры. И те и другие лишены коллективных моральных рефлексий.

Интеллигенция появилась в условиях бюрократического государства и сразу стала прослойкой так называемых «лишних людей». Она не была готова служить самодержавной власти, но и идти на сближение с народом не хотела. Точнее, народники попытались повернуть в сторону народа, но 1905 год многих отрезвил.

В вечном выпадении интеллигенции из общества и состоит её сущность. Это «нигилизм без веры», как было замечено авторами сборника «Вехи». Интеллигенция в основном варилась в соку собственных идей, а точнее, превратно понятых достижений европейских интеллектуалов. И торговалась с властью: «Власть, дай порулить, за это мы будем верно служить». И власть, и народ интеллигенция пыталась учить цивилизованному «жизню», указывала, каким должно быть, по её мнению, «современное общество», тон разговора, абсолютно невыносимый для европейца. Не случайно у интеллигенции наряду с общепринятыми были свои любимые культурные ценности. Как заметил кто-то из историков, у советской интеллигенции была своя религия – Стругацкие, своя идеология – Сахаров. Любимые книжки – Бабель, Ильф и Петров, Рыбаков. Любимый театр – Таганка.

В 1917 году на короткое время интеллигенция стала властью, пока её не подвинул рабоче-крестьянский кадровый призыв. Но это её ничему не научило. Снова начались муки фальшивой оппозиционности. Вековая смесь преданности власти и мнимого фрондёрства – явление предельно выморочное. Неудивительно, что коллективная идентичность интеллигенции держалась не на социальной роли, а на системе мифов, самую интеллигенцией выдуманных. Собственно об этих мифах мы и хотели поговорить в этой статье.

Миф об оппозиционности. Торг с властью есть главная профессия интеллигенции. Она никогда не была оппозиционна по-настоящему, но хотела быть при власти и иметь преимущественное право наставлять общество. Например, за право быть критиками власти при власти боролись в советское время шестидесятники и получили своё. Власти в то время понадобились «оппозиционеры». В такие периоды всё происходило в рамках консенсуса: интеллигенция всегда колебалась вместе с генеральной линией. Каждый такой медовый месяц с властью называли «оттепелью», а его прекращение – «заморозками».

Дело в том, что без опоры на власть функция самопровозглашённого общественного наставника невозможна: никто не станет слушать. Именно поэтому интеллигенция втайне очень любит власть. Сия любовь является важным условием её выживания. Это и есть главная тайна интеллигентского сословия.

Впрочем, иногда интеллигенция «проговаривается», как это сделал однажды Михаил Гершензон, заявивший после выхода сборника «Вехи»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной».

За эту фразу его заклевали, Гершензон вынужден был уйти из либерального «Вестника Европы». Но заклевали именно потому, что Гершензон случайно брякнул правду. Отношения в треугольнике «власть – интеллигенция – народ» полностью исчерпываются его формулой.

Миф о просветительстве. Интеллигенция чаще всего представляет себя сословием просветителей в дикой, отсталой, азиатской стране. Говорили о просвещении народа. Но фактически претендовали на роль нового дворянства. Особый статус – право «пасти народы», – по мнению вождей интеллигенции, должен был быть им обеспечен властью исключительно за их культурно-образовательный ценз. Попутно

заметим, что конечной целью введения ЕГЭ, платного среднего образования и сокращения вузов как раз и является выведение народа за рамки этого ценза.

Миф о свободе. Свобода не для всех, а только для себя – это уже не свобода, а привилегия. Именно так понимает свободу интеллигенция. «Права и свободы», а вернее – привилегии, которых они требовали от власти, были по сути аналогом законов о вольности дворянства.

Допустим, у меньшей части интеллигенции после 1991 года появилось право печататься и говорить с телеэкрана. А в чём свобода остальных, свобода большинства, которое не издают и не пускают на ТВ? Это интеллигенцию не волновало. Вот историческая аналогия, проясняющая дело.

Сюжет первый. После выхода указа о вольности дворянства крестьяне решили, что теперь должен быть указ о вольности крестьянства. Ходили слухи о том, что в южных губерниях уже дают вольную и дарят землю. Но время шло, указа всё не было. Крестьяне стали бунтовать, примкнули к казацкому восстанию Пугачёва. И заплатили за это кровью.

Сюжет второй. После негласного «указа о вольности интеллигенции» в перестройку народ решил, что будет и указ о вольности народа. Поверил в перестройку, поддержал новую власть – Ельцина и его команду, признал переворот 1991 года. Но на место ЦК пришла либеральная номенклатура, которая присвоила собственность КПСС и уничтожила индустрию. Протесты были подавлены войсками в 1993 году, а сами волнения объявлены «сговором коммунистов и нацистов». Интеллигенция в 1993-м шумно поддержала власть, написав знаменитое позорное «Письмо 42-х» (напомнить имена?) с пламенным призывом «Господин президент, раздавите гадину!». Делиться свободой интеллигенция не захотела.

Вообще интеллигенция по своей природе предельно авторитарна. Называя себя «культурной прослойкой», «приличными» людьми, она

любит вводить критерии пригодности: какие люди «рукопожатны», а какие нет. Не случайно большевики – интеллигенты в квадрате. Авторитаризм большевиков весь вышел из интеллигентской традиции. Из идеи о цивилизаторской деятельности в отсталой стране.

Миф о европеизме. Ещё одна тайна интеллигентского сословия, помимо пламенной любви к власти, состоит в следующем. Это сословие не является интеллектуальным классом и не состоит из людей европейской культуры. Союз «и» здесь не случаен: эти два качества, по сути, одно и то же. В Европе и Америке под «интеллигенцией» вообще не принято понимать сословие или класс. Там этим словом называют людей умственного труда. Другое дело – элита, интеллектуалы (как правило, «на службе её величества»). А вот российская интеллигенция склонна считать себя элитой общества. Хотя не создавала собственных ценностей и не была интеллектуальным классом.

По большому счёту со времён Петра Чаадаева интеллигенция занималась перетолковыванием европейской культуры, называя это «западничеством». Либо развивала идеологию правящего режима, называя это патриотизмом. А если режим был либеральным, то обе функции совпадали, являя собой наиболее полную картину общественной деятельности интеллигенции: отсюда пошло расхожее выражение «либеральная жандармерия».

Собственно говоря, государство в России, взятое в пределе, в своей высшей точке, – это и есть «либерализм» для верхов и диктатура для низов. Соединить обе сущности в одну и объяснить, что это и есть «модернизация», – вот главная задача, которую власть может поставить сегодня перед интеллигенцией, если в очередной раз призовет её на службу.

Миф о диалоге с Церковью. Его практически никогда не было. Достаточно почитать, что говорили о религии члены Петербургских религиозных собраний. Даже консервативный Василий Розанов думал, как

«соединить Эрос и Христа». А сегодня интеллигенция усиленно навязывает Церкви секулярную реформацию. Какой уж тут диалог? Интеллигенция всегда была крайне необразованна в вопросах религии как в начале XX века, так и в его конце. Предлагаемые нам статьи и фильмы об интеллигенции, спасшей православие от гибели в 1970-е годы, – очередной миф интеллигенции о самой себе.

Интеллигенция сегодня. В начале «нулевых» в Москве был открыт памятник интеллигенции. Выглядит он так: Пегас парит над абстрактной композицией из стальных шипов. Обычно памятники ставят либо посмертно, либо за особый статус при жизни. Этот памятник «самой себе» – то, строительством чего российская интеллигенция занималась на протяжении всей своей истории. Сегодня в этом памятнике явлены оба качества российской интеллигенции. Во-первых, она потерпела историческое поражение и умерла. Во-вторых, комплекс избранности, мессианизм интеллигенции – и есть её памятник себе самой.

Смерть интеллигенции закономерна. Она не выдержала экзамен ни на интеллектуальную пригодность, ни на нравственную зрелость, ни даже на верность самой себе.

В начале 1990-х годов интеллигенция перестала быть единым вольнолюбивым сословием, которое в СССР слонялось «между НИИ и царством Свободы». В «рыночных» условиях произошло окончательное расслоение и размежевание интеллигенции. Большая её часть, нестатусные интеллигенты, были названы новой властью бюджетниками, приравнены к люмпенам и превращены в отбросы общества. Меньшая часть – статусная интеллигенция – пошла на службу к власти и начала прославлять новый порядок. Ни те, ни другие даже не задумались о свободе, о которой они так много рассуждали во время оно.

Немецкий автопром

В метельный день Торжества Православия опытным путём мне было явлено превосходство русской зимы над немецким автопромом.

Снегу в Тарусе навалило столько, что я его черпал голенищами высоких валенок, а калитку отворял с разбегу, уминая подпирающий её снаружи сугроб. Мой немецко-фашистский полноприводный автомобиль пытался победить пургу, но был посрамлён ровно между Святым источником и храмом, что стоит на Воскресенской горке. Я его откапывал, закапывал и снова откапывал три часа. Затем, выбившись из сил, как пел незабвенный Александр Аркадьевич, «плакал я и бил его ботинкою», но ничего не помогало. И вот тут с лопатами и ломом на горе появились отец Пётр и чтец Владимир. Молча и упрямо мы рыли окопы вокруг рычащего и стонущего фашиста. Пар валил от наших тел, и ангелы грелись в его тепле. «На брюхе сидит», – бормотал отец Пётр, распластавшись на снегу и заглядывая под машину. «Мосты освободить надо, мосты освободить!» – приговаривал чтец Владимир. Малолетние дети и внуки соборного духовенства числом более десяти сидели с кошками и собаками на склоне горки и вспоминали, как в декабре ровно на этом же месте застрял французиска Пежо.

Последнее, что видел немец, в ужасе вырвавшийся из объятий русской зимы, как мокрый и заснеженный отец Пётр благословлял его красной заочневшей рукой.

ПРАВО ДАВАТЬ ИМЕНА

Война на Украине так перепыхала общество, что о многом приходится говорить с чистого листа. Например, о толерантности.

Это понятие рождалось дважды. В первый раз после религиозных войн между католиками и протестантами. Тогда это был принцип Вестфальской системы – «чья власть, того и вера». С национальным государством в роли гаранта.

Второй раз толерантность родилась после Второй мировой. Она была призвана помочь Европе изжить травматический опыт нацизма. И подавалась как исторический катарсис. Отсюда лозунги: «Никогда больше», «После Освенцима нельзя писать стихи».

Но покаяние в Европе не задалось. Бывшие служители рейха после 1945 года благополучно занимали руководящие должности в бундесвере.

Когда в Киеве случился путч, ограничение было окончательно снято. Фашизм вновь оказывается на Западе допустимой идеологией. Символом «коричневого ренессанса» стал демонстративный отказ США и Канады поддержать инициативу ООН о запрете на героизацию нацизма. И произошло это на фоне безнаказанного геноцида русского населения на Юго-Востоке Украины.

Что мы имеем в сухом остатке? Миф о толерантности никто не отменял. Но он становится частью нового мифа «превосходства». На первый взгляд – невероятно. На самом деле – ничего особенно хитрого.

Чтобы превратить толерантность в её противоположность, достаточно ввести в концепцию принцип фронта. То есть провести границу, отделяющую людей и нации, на которых толерантность не распространяется. В данном случае это жители Донбасса, которых в Киеве называют «недолюдьми», «генетическим мусором», «монголоидной расой».

Здесь важны не действия украинских властей, сколько то, что правящий класс США и Европы поощряет происходящее. Они как бы го-

ворят: «Моя толерантность имеет чёткие границы, и ты находишься по ту сторону. Ты – варвар, дикарь. Твои права не значат ничего. Твои интересы, твои страдания, твоя боль, твой язык – ничто».

Тем самым обнуляется символический капитал, которым обладали держатели толерантного проекта. Теперь мы спрашиваем: «Что случилось с вашей толерантностью?» Молчание в ответ.

Каков же вывод? Толерантность и терпимость – это что-то неправильное? Конечно, нет. Ведь, согласно Писанию, люди равны перед Богом и поэтому «несть ни эллина ни иудея». Вот только обсуждать проблему терпимости с бывшими партнерами уже не имеет смысла. За неимением собеседника.

Они свой ход сделали. Этнические русские стали жертвами геноцида. Теперь – наш ход. Нам и определять содержание понятия «толерантность» в ближайшее время – по праву жертвы.

Вашингтону, Берлину и Парижу придётся с этим считаться. Они наверняка не согласятся, но их согласие и не требуется. Наше дело реализовать своё моральное право. Мы должны вкладывать в понятие «толерантность» те смыслы, которые диктуют нам наша мораль и наша традиция.

Почему это необходимо?

Дело в том, что право давать имена – это форма власти. От того, кто и как называет то или иное явление, зависит, как другие люди будут к нему относиться.

Отстаивание своей системы ценностей естественно и необходимо. Не случайно в политологии существуют такие понятия, как «дискурсивная борьба» и «борьба образов». И если мы не хотим вновь оказаться жертвами избирательной толерантности, надо утверждать свои стандарты. Они помогут спасти тысячи русских жизней.

Это не борьба с «толерантностью», а обозначение приоритета в толковании понятия. Преимущество имеет тот, кто является носителем дефиниций. Наше право на эту роль после бомбёжек русских в Донбассе является приоритетным. Это право истца в отношении ответчика.

В частности поэтому нет смысла дублировать русский концепт «терпимости» английским аналогом – «толерантностью». Терпимость для нас – основное понятие, толерантность – вспомогательное, то есть просто английский перевод. Это даёт нам приоритет как носителям соответствующего дискурса.

Западный вариант этого дискурса деградировал, «толерантность» стала по сути декларативным понятием. Толерантность позволила реабилитировать нацизм. Отсюда потребность в пересмотре проблемы, в «переоценке ценностей».

Опыт XX-XXI веков показал: утилитарная модель толерантности Джона Стюарта Милля (упорно навязываемая сейчас в России) не оправдала себя. Помимо «принципа невмешательства» необходимо моральное основание, нравственный консенсус. В русской традиции терпимость строилась и будет строиться на основе этики, а не механического «баланса прав».

Русские утверждают, что терпимость производна от нравственности, а не наоборот.

Бесцеремонность

Когда выбрали Папу Франциска, многие православные жители соцсетей выражали ликование. *Nabemus papam!* – восклицали они радостно, хотя всё-таки нового Папу обрели не они, а братья-католики. В связи с этим всеобщим православным ликованием вспомнился мне давний случай.

Сидим мы в Париже, в редакции одного французского католического журнала втроём с главредом и священником-доминиканцем, славистом и большим любителем Тютчева. Беседуем себе тихо о горнем и дольном. Вдруг вихрем в кабинет влетает чета православных московских активистов («буквально на секундочку!»), которые считали себя ближайшими друзьями главреда и приятелями доминиканца. Нас обнимают, перецеловывают, ахи, охи! Сашенька, а ты-то как тут оказался? Тоже с нами? Какое счастье! Церкви-сёстры! Двое лёгких! Господа, мы проездом на тэзовку, но не могли не зайти! Только что причащались на мессе! Там было столько наших! Есть важнейшие проекты по миссионерству в Москве, по проведению выставки в Париже! Занавес рухнул, преград нет! Церковь едина! Ах-ох! Вы обязательно к нам в Москву! В Иностранке проведём классную конференцию! И так минут сорок без остановки. Ушли, наконец, вновь всех перецеловав.

Пауза. Оставшиеся молчат. Доминиканец поворачивается ко мне и говорит: «Ну почему ваши братья считают возможным забираться с ногами на наш католический диван? Лезть в нашу церковь, в нашу жизнь? Братская любовь не отменяет разницы между нами и не отменяет правил поведения в чужом доме. Эта ваша московская бесцеремонность настораживает и заставляет задуматься о том, насколько вы верны своей собственной церкви».

ХИМЕРЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ВИНЫ

Один из главных мифов, связанных с войной, – понятие «коллективной вины». По мнению пропагандистов этого мифа, здесь всё давно решено. Немецкое общество якобы покаялось в деяниях гитлеровского режима. Хотя мы помним, что в своё время признание в Германии 8 мая «днём освобождения» и попытка сделать этот день нерабочим вызвали резко негативную реакцию немцев. Замечу попутно, что лично знаю некоторых русских немцев, которые ежегодно демонстративно выходят на работу 9 мая.

Но отсутствие консенсуса сегодня налицо. Отсюда и продолжение «спора историков», который формально закончился в 1987 году, но на деле продолжается. Так, представители одной из сторон (последователи профессора Эрнста Нольте) уверены, что гитлеризм стал реакцией на «азиатские преступления советского режима». Какое уж тут коллективное покаяние.

На тему «коллективной вины» на Западе и в России написано немало работ. Но многие из них ограничены рамками 1945-1990 годов. Неужели за четверть века не набралось интересного материала?

А дело в том, что в начале 1990-х в продолжающемся споре историков произошёл перелом. Стала побеждать идея «нормализации истории», то есть полный отказ от концепции исторической вины.

Несколько лет назад в среде левых публицистов появился любопытный материал – «Ошибка Штирлица». Это отчёт о конференции Фонда Фридриха Наумана. Там выяснилось много интересного. По свидетельству одного из участников, историка Норберта Фрая, большинство западных немцев и в 1950-е годы считали, что «национал-социализм был хорошей идеей, которая только плохо реализовалась». А вот руководитель Московского бюро Фонда Фридриха Наумана Фальк Бомсдорф в порыве откровенности признал, что среди немецкой молодежи преобладает «патриотический, а отчасти и националистический подход», и он, Бомсдорф, не знает, как к этому относиться.

Разве это похоже на признание «коллективной вины»?

Проблема в том, что широкой публике у нас и на Западе не положено знать то, о чём говорят историки и политики во время встреч «без галстуков». Поэтому российский читатель полагает, что в цивилизованном мире господствует толерантность. Однако, это далеко не так.

Ещё примеров?

Сын моих знакомых, проживающих в Германии, принёс из школы новость: на уроке истории ребяташкам рассказали, что Дрезден с его культурными сокровищами разбомбила... советская авиация. Мама и папа объяснили малышу, что авиация была англо-американская, но в школе об этом лучше не говорить: неправильно поймут. Это к вопросу о свободе мнений и исторических фальсификациях, по поводу которых так много шума.

Не возьмусь оценивать труд авторов «единого учебника», но, полагаю, им не пришло бы в голову утверждать, что блокада Ленинграда осуществлялась силами англо-американского десанта.

Отсюда и вопрос: почему в политическом обиходе сохранилось понятие «коллективной вины» – явный политический фантом?

«Коллективная вина» удобна, потому что размыта и безразмерна. Она не требует знания фактов и выводов на будущее. Ей нужны лишь горящие жертвенники – как в языческом обществе, где не знали морального смысла греха, но боялись прогневить богов.

«Коллективную вину» можно сделать настолько коллективной, что в числе виноватых окажутся жертвы. Не это ли – главная цель? Он украл или у него украли, какая разница. Раз влип в историю, значит, хороший человек.

Заявления, путающие агрессора и жертву, мы слышим часто. Нам говорят, что русские жертвами не были, поскольку сами намеревались напасть на Третий рейх, но не успели. А Гитлер будто бы нанёс превентивный удар. При этом забывают добавить, что план «Барбаросса» был разработан немцами сразу после разгрома Франции и в декабре 1940 года Гитлер его утвердил.

К тому же план превентивного удара присутствует в сейфах и штабных играх всех генералитетов мира, но генералы предполагают, а политики располагают...

Мы слышим, что «два тоталитарных режима были обречены на мировую войну». Значит, оба и виноваты. В этом случае предмет разговора превращается в чистую метафизику. Вместо вины конкретной возникает подобие фатальной вины из античных трагедий. Мол, оба прогневили богов демократии – обоим и отвечать, чего уж там.

В этом случае можно не стесняясь говорить об «азиатских преступлениях», фантазировать на тему бомбёжек Дрездена и навязывать русским чувство «коллективной вины».

Мифология «коллективной вины» – это опасный симптом. Он свидетельствует о моральной деградации общества. Христианское моральное сознание предполагает, что человек точно знает, когда и в чём он переступил грань. Обратный случай – это уже не сознание вины, а комплекс вины. «Меня ругают, значит, я в чём-то виноват». Или, как говорят нерадивые сержанты, «я каждого из вас могу посадить на гауптвахту, и каждый будет знать за что». Так выглядит чистейший аморализм.

Ещё французский психолог Пиаже писал, что формировать «комплекс вины» крайне опасно, так как он ведёт к инфантильному сознанию и индивидуум останавливается в развитии. Этот закон применим и к психологии нации.

Сегодня существует ответственность за отрицание Холокоста. 27 миллионов россиян – внушительная цифра. Нам следовало бы ввести ответственность за отрицание геноцида русского населения в годы войны. Что это был именно геноцид, специалисты докажут, взяв факты преступлений, военные инструкции, «Унтерменш» и «Майн кампф».

Такое решение было бы знаком уважения к защитникам родины.

Но заметим: коллективной вины в отношении наших бывших противников этот шаг не предполагает. Виноват правящий класс, принявший нацистскую идеологию, чтобы оправдать свои колониальные захваты на Востоке.

Счастье

Зашёл в комнату к сыну. Сидит на краю дивана с баяном. Играет тихо-тихо, поёт, почти шепчет: «Пенится Жёлтое море, волны сердито шумят». Растянулся у него за спиной. Слушаю. А в соседней комнате смех. Жена ставит сыну французское произношение. У того язык не слушается. Оба хохочут. Из кухни доносится тёплый запах гренок. Не вижу, но точно знаю – сын наклонился над плитой. В руке у него книга по деревянному зодчеству – давнее увлечение. Совсем забыл: собирался ведь позвонить сыну. Он в Тарусе нынче – должен был заехать на кладбище. Спросить надо, как там наши могилы. Снега много теперь. Лежу. Слушаю. «Миру всему передайте, чайки, печальную весть». Глаза закрыл. Вечер воскресения.

ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ

Говоря об объединяющих и разделяющих факторах в российском обществе, стоит придерживаться не бинарного, а тринарного способа их рассмотрения. Что это значит? Это значит, что наша задача – научиться понимать, что нас объединяет, разделяет и отличает.

Вопреки расхожему стереотипу, последние два понятия – «разделять» и «отличать» – не синонимы, а антонимы.

В нормальной ситуации культурные, этнические, конфессиональные отличия поддерживают гибкость социальной системы, увеличивают число её степеней свободы и сопротивляемость внешним факторам. Но на фоне ошибок и кризиса они могут вызывать деструктивные процессы и центробежные тенденции.

В истории нашей страны такая ситуация возникала не раз. Например, в 1612-м, в 1917-м, в 1991-м. Всякий раз дело завершалось болезненным историческим разрывом. И только цивилизационный ресурс страны, терпение и вера народа позволяли пройти по краю исторической пропасти и не упасть. В четвёртый раз ресурса может не хватить. Поэтому наша задача – не довести ситуацию до точки невозврата.

Лингвисты и культурологи часто говорят: «Смысл возникает на уровне различий». Действительно, устойчивая и сильная культура редко представляет собой монолит, хотя и имеет ядро – базовый набор символов, ценностей и смыслов. Например, для русской культуры в этот набор входят христианская мораль, отрицание расизма и мифов превосходства (включая «цивилизационный»), неприятие права сильного, неприятие идеи естественного отбора в обществе, а также обострённое чувство справедливости (когда блага зависят от реальных заслуг). Это то, что нас объединяет.

Но, как подсказывает нам элементарная диалектика, объединяет не только общее. Объединяют и отличия, хотя и не любые. Отличия социальных субъектов можно условно разбить на две крайне неравно-

ценные части. Первая – это исторически устойчивые особенности этнокультурных и религиозных групп. Их необходимо уважать, понимать их ценность в деле укрепления общего целого. Вторая часть – отличия политические или политико-ситуативные, сформированные в силу временных обстоятельств, а порой и под влиянием внешних конкурентов. Их роль куда менее значима, если только общество не срывается в штопор деструктивных процессов, как в 1917-м и в 1991-м.

Сегодня в качестве таких ситуативных разделяющих факторов выступают идеологемы и ложные альтернативы уходящего с исторической сцены неолиберального глобализма. Наши культурные различия, напротив, нас объединяют, как объединяют нас и общие ценности. Например, мы выступаем за реабилитацию исторического мышления и возвращения традиции в историю.

Несмотря на этнокультурные различия мы одна историческая нация, подобно византийской, окраины которой сохранили язык, культуру и существуют до сих пор (например, Армения и Эфиопия). Этот статус-кво способствует сохранению долгосрочной стабильности в центральной части евразийского континента. Это гарант от сползания данного региона к переворотам и локальным конфликтам, как это произошло на Украине и едва не случилось в Турции.

Прошло более двух лет с тех пор, как в России сложился так называемый «крымский консенсус» (85% граждан высказались за национальное воссоединение). Это и есть опорная точка новой идеологии, добровольно принимаемой большинством.

Люди поняли, что происходит, кто их друзья, а кто противники. Когда право на национальное воссоединение стремятся отнять, идея единства растёт в цене. Поэтому санкции, запреты для олимпийцев, диверсии в Крыму и тому подобные манипуляции противников – лучшая школа патриотизма для общества. Такие жизненные уроки перевешивают сотни патриотических брошюр и пафосную риторику.

Сохранение единства в обществе невозможно без понимания законов культурной динамики. непонимание этих законов в эпоху СССР,

отторжение их советской идеологией привело в итоге к коллапсу управления и трагическому распаду страны. Мы должны учиться на этих ошибках и не повторять их.

Прежде всего, необходимо избегать двух типичных ошибок. Одна из них – это конструктивизм, абстрактное проектирование воздушных замков без учёта традиций и исторических задач народа. Этот путь ведёт к историческим разрывам (разрывам традиции). У нас перед глазами пример ЕС, где давно признали провал политики «мультикультурализма», но не пришли к концепции культурной интеграции. Лишним подтверждением провала стал внутриевропейский раскол и БРЕКЗИТ. Нынешний Евросоюз – пример того, как не надо делать.

Вторая ошибка – это инерционность (попросту говоря, застой), когда набор традиционных ценностей не оформлен в виде идеологии сегодняшнего дня.

Что касается России, то сегодня у нас налицо обе ошибки. С одной стороны, часть политических групп находится в плену неолиберальных догматов, несмотря на их тупиковость. С другой стороны, слабые попытки повернуться лицом к национальным интересам и ценностям порождают лишь абстрактные формулы госпатриотизма, не наполненные ни историческим, ни мировоззренческим содержанием и потому недостаточные для выхода из кризиса.

Общество зависло в состоянии идеологического вакуума. Новую объединяющую идеологию России лишь предстоит принять. При правильном выборе эта идеология обеспечивает обратную связь частей и целого, общих и групповых смыслов, то есть выполняет интегральную функцию.

Но интегральная идеология не может быть просто навязана сверху. Она должна быть ответом на историческую ситуацию. Историческая ситуация, в которой мы находимся, – это ситуация национального воссоединения («крымский консенсус»). Ответ должен следовать не от абстрактного, а от конкретного исторического субъекта. Наш субъект – русско-российская цивилизация (русский мир), выросшая на ви-

зантийском наследии и включившая в себя огромное число этносов и культур.

Поэтому наша идеология будет сформулирована в контексте христианских ценностей, хотя и в светских, нерелигиозных формах. Важным объединяющим фактором в обществе также будет русский язык и его концептосфера.

Обычно эффективная интегральная идеология включает в себя два важных элемента: связь с традицией и исторически определённый проект будущего. Но сегодня имеет место ещё один, третий фактор, который возник недавно. Речь идёт о мировом кризисе, требующем от общества некоторых неизбежных в этой ситуации шагов.

У историков есть пара противоположных понятий – «бифуркация» и «аттракция». Первое означает историческую развилку. В этой ситуации наша страна находилась в 1991 году, когда был сделан далеко не лучший выбор.

Аттракция предполагает ситуацию, когда коридор возможностей предельно узок, общество движется в направлении, жёстко заданном историческими обстоятельствами. Сегодня социально-политические процессы приобретают именно аттрактивный характер, как в мире в целом, так и в России.

В мире начинается переоценка ценностей, он находится на пороге «перестройки», сильно напоминающей события, происходившие в СССР 25-30-летней давности. Миру предстоит отказаться от неоколониалистского мышления, социал-дарвинистской морали, от ростовщической экономики и принудительного универсализма в сфере идеологии и права. Неизбежен переход к праву, освящённому авторитетом моральных норм и традиции.

Идея «конвергенции элит» и интеграции в «западный проект» в последние годы показала полную несостоятельность. России в этой ситуации надо вовремя уйти от примитивного неофитства и бездумной апологетики и предложить миру свой собственный социальный проект. Это даст шанс на лидерство в новой геополитической и геокультурной

реальности. Поэтому от ситуативных концепций выживания придётся переходить к долгосрочной стратегии развития.

Аттрактивный фактор ускоряет процесс национальной интеграции. А тормозит этот процесс запаздывание с формулированием национальной идеологии, которая противостояла бы догмам неолиберального глобализма. Люди вынуждены придумывать её «на коленке». Идея «Бессмертного полка» в этом смысле хороша, но её явно не достаточно. Государственным институтам следовало бы помочь этому процессу. Например, нам необходимо официальное признание того, что русский народ и дружественные ему народы были главными жертвами геноцида в Первой и во Второй мировых войнах.

Но об этом в других главах.

Хоккей

Хоккей интересен только тогда, когда он становится политической. И вот тут-то начинают происходить загадочные вещи. В давние годы (когда это ещё не стало историей, а было политически актуальным) я осуждал ввод войск в Чехословакию. В 1968 году. Но при этом в матчах с чехами я иступлённо болел за наших, за своих, и желал чехам полного и безоговорочного поражения.

РАСИЗМ И ЭКОНОМИКА

Российское общество переживает процесс болезненного прозрения. Оно ещё не знает, что ему делать с фактом современной политики: мы живём бок о бок с государством, чей идеологический вектор имеет резкую антироссийскую и антирусскую направленность. Заявления киевских политиков о том, что области с русским населением должны быть либо украинскими, либо безлюдными, давно не являются только заявлениями. Они воплощаются в жизнь с помощью систематических артобстрелов городских кварталов.

Говоря о восстании Юго-Востока, эксперты утверждают, что идёт война между фашистами и антифашистами. Это правда, но далеко не вся. В действительности мы наблюдаем начальную фазу этнической войны. Идёт зачистка территории. Очень немногие в России осознали, что конфликт Киева и Юго-Востока предполагает – как бы ни хотелось перестать об этом думать – конфликт между украинцами (в союзе с США) и русскими, а не только между фашистами и антифашистами. Украинцы осознают данный факт гораздо лучше русских, которые не хотят верить в то, что следующими горячими точками станут Крым, юг России и Москва.

Можно спросить: а разве война с обеих сторон мотивирована одинаково? Разумеется, нет. Конечно, сущность русской и украинской идентичности различна. Русская идентичность никогда не была основана на этническом понимании нации. Она в значительной мере религиозна и идеократична. Идентичность украинская – исторически ситуативна. Это явление вызвано к жизни политическими обстоятельствами XX века и потому имеет один идейный фундамент: русофобию и отталкивание от «русской Европы», «русского проекта», то есть русского православного сегмента европейского мира. Но в течение многих веков Украина была частью этого мира. Отделившись от этой материнской сущности, Украина обречена оставаться «осколком», частью без целого, государством-Големом.

Вот почему происходящее несимметрично: с украинской стороны это война в том числе и за узко-этническое понимание нации, с русской – за культурно-историческое, основанное на нравственных и религиозных ценностях. Правда, на информационном фронте этой войны проявляют активность все украинские церкви. Но если мы внимательно посмотрим, то обнаружим, что украинские церкви, несмотря на предписанный им христианской традицией уранополитизм, заражены сегодня националистической идеологией, а многие члены этих церквей ничуть не уступают своим светским единомышленникам по части нацистских взглядов. Иными словами, на Украине происходит сужение религиозной темы до этнической. В России – напротив, расширение этнической темы до религиозной и социокультурной. Это одна из причин (хотя и не единственная) пресловутого «конфликта менталитетов». А конфликт менталитетов означает конфликт идеологий. Даже в нашу совсем не идеологичную, а информационную эпоху.

Война украинцев с русскими (пока что в лице Новороссии), конечно, имеет мощное идеологическое измерение. Жители Новороссии не принимают власть олигархии и среднего класса над народом, не хотят выполнять роль экономических агнцев, отданных на заклание МВФ. Но они не принимают также и насильственную украинизацию русских, к которой сводится политика Киева на протяжении 23 лет. Просто сегодня мы вошли в «горячую» фазу украинизации.

И тут возникает другой вопрос: а как связано одно с другим? Конфликт идеологий – это всё-таки конфликт экономических интересов или национальных чувств? Ведь между одним и другим фактором, на первый взгляд, огромная дистанция. На самом деле эта дистанция исчезающе мала, связь здесь самая прямая, и она не предполагает никакой мистики.

Связь национально-расового и социально-экономического факторов в нацизме лишь на первый взгляд может показаться случайной или необъяснимой. В действительности для мировой истории она скорее правило. Ведь угнетённые в процессе колонизации народы угнетались

именно экономически. А вот право на такое угнетение всегда обосновывалось национальной, культурной или цивилизационной неполноценностью народа-жертвы и некой «исключительностью» государства-агрессора. Более того, угнетение нередко подавалось как своего рода «плата» за услуги высокоразвитой нации, якобы согласившейся «цивилизовать дикарей». Во времена Редьярда Киплинга это было принято считать «бременем белого человека». А сегодня украинские либералы, толкуя о подписании Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС, говорят о «плате за экономический мастер-класс», имея в виду неизбежные катаклизмы: рост тарифов, остановку индустрии, девальвацию национальной валюты, скупку национальных активов иностранными компаниями и, наконец, долговую яму Международного Валютного Фонда, из которой придётся выбирать будущим поколениям.

Словом, связь между экономикой и темой «культурного превосходства» на сегодняшней Украине видна как на ладони.

Как объяснить тот факт, что дежурных фраз о «территориальной целостности страны» киевским властям недостаточно, и их агитпроп настоятельно требует культур-расистских мотивов? Конечно, можно сказать, что эти мотивы призваны просто эмоционально усилить шаткую аргументацию. В самом деле, ведь любой европейский юрист – скажем, выпускник Сорбонны, – если будет говорить непублично, объяснит нам, что право народа на самоопределение в совокупности с «историческим правом» – в данном случае оно связано с насильственным присоединением в советский период Донецкой и Луганской областей к Украине – приоритетно. Порвав с авторитарным советским проектом и выйдя из состава СССР, по всем законам логики Украина должна была признать и незаконность «территориальных» советских решений – так вот, это двойное правовое основание юридически более весомо, нежели просто территориальная целостность.

То есть Киеву не хватает «законных» оснований для удержания Юго-Востока? Да, разумеется. Но не только в этом дело. Недостаток аргументов – не единственная причина использования нацистского дис-

курса. И даже бандеровские традиции Украины – важный, но не решающий фактор, связывающий экономику и идеологию.

На самом деле такого рода связь не ситуативна, а глубинна. Она вытекает из самих законов развития либерального капитализма. Вообще-то этот тезис давно стал общим местом для многих авторов левого направления, как в Западной Европе и США, так и в России. Просто академический официоз предпочитает лишний раз не вспоминать о таком досадном для него обстоятельстве.

В частности, известный экономист и историк Иммануил Валлерстайн в своих работах всегда подчёркивал, что «существует корреляция между “классовым” и “этническим” ранжированием, с одной стороны, и наличием различных “классовых” и “этнических” групп определённых политических прав – с другой. Низшие группы... формируют “классово-этническую низшую страту”». И далее: «Осевое разделение труда между ядром и периферией (мировой экономики – *А.Щ.*) имеет как классовое, так и этническое измерение, причём на мировом уровне, в отличие от национального, они меняются местами: очевидна прежде всего этническая иерархия. Отсталость Третьего мира часто объясняют в терминах культуры и образования...» [Валлерстайн И., Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008.].

Характерно, что фазы процессов, протекающих в мировой экономике, влияют и на корректировку «расовых» границ. В терминах Валлерстайна это «постоянная редифиниция этнических групп в капиталистической миросистеме в соответствии с потребностями последней». В результате вчерашние «средиземноморцы» становятся сегодняшними европейцами, японцы (вчерашние лидеры «жёлтой орды») – «почётными белыми», и кто знает – быть может, сегодняшние шведы когда-нибудь опять станут «бледнолицыми варварами». Иными словами, этническая и расовая принадлежность в капиталистической миросистеме постоянно меняют свои статусные определения. В период спада и сжатия мировой экономики целые народы выталкиваются из неё как этнически

неполноценные; в периоды роста и расширения (экспансии) часть их впускают назад.

Именно этот процесс – институциональное закрепление авторитарной экономической модели в форме идеи расово-этнического превосходства – мы и наблюдаем на Украине. Нелишним будет напомнить, что и правители Третьего рейха оформляли своё завоевание «жизненного пространства» как право повелевать «унтерменшами» – «расово неполноценными народами». Украина идёт именно этим путём. Нет ничего экзотического и неожиданного в перерождении украинской политики – перерождении, которое, напомним, началось не вчера, а два десятилетия назад. За ним последует культурная инкапсуляция и деградация украинского общества. От этого факта нельзя отгораживаться, как это делает либеральная и патриотическая интеллигенция в России и либерально-патриотическая – на Украине. Но ему не следует и удивляться. Здесь нужен спокойный и холодный анализ.

Дора Марковна

Положительно не могу сосредоточиться на работе в помещении Синодального отдела на Андреевской набережной... Переступаю порог и наплывают детские воспоминания о ленинградской квартире Доры Марковны, маминной школьной подруги. Те же многослойные рюшечки-занавесочки на окнах, которые невозможно ни открыть, ни вымыть из-за обилия на подоконниках цветочных горшков. Та же душноватость. Тот же полумрак. И главное – неизбывный запах кухонной готовки.

Дора Марковна практически жила на кухне. С домочадцами она разговаривала исключительно из кухни, и оттого у неё развился сильный голос. Она постоянно готовила.

Утром в восемь часов заправляла всех отправлявшихся в школу и на работу. Жареной картошкой, на которую сверху выливалось яйцо.

В полдень из школы возвращался маленький Миша. Чтобы мальчик хорошо учился, мальчик должен хорошо кушать. Мишу кормили долго и тщательно. В три часа появлялась старшеклассница Соня. Соня была красавицей. Её белая с едва заметным нежно-розовым налётом кожа обещала ей в будущем хорошую партию. Дора Марковна знала секрет этой кожи – рыбы в меню всегда должно быть чуть больше, чем мяса. Кормили Соню. К шести из института появлялся Лев Соломонович. К его приходу стол должен был быть накрытым. Отец семейства был худым, лысым и кандидатом химических наук. Лев Соломонович любил пунктуальность и ценил её в супруге. Дора Марковна боялась мужа и восхищалась им, приговаривая: «А я никакую книжку осилить не могу, дура я дура».

Вечером к Доре Марковне иногда забегала Танечка с маленьким сыном. В 1944-м открылись школы, и они попали в один

класс. К чаю непременно разогревались остатки утренней картошки с яйцом, кастрюля с которой весь день висела за окном в авоське. Дора Марковна нарезала к картошке пару небольших кусочков сала. Лиля прислала из Киева. Старшая сестра. У неё в Яру остался сын. Вот она и отказывается переезжать к сестре в Ленинград, хотя Лев Соломонович уже подыскал ей место библиотекаря в Техноложке с окладом 59 рублей новыми деньгами.

Положительно не могу сосредоточиться на работе в помещении Синодального отдела на Андреевской набережной...

ЖИЗНЬ БЕЗ МИССИИ

Отношения России с Украиной осложняются тем, что Украина после выхода из СССР так и не предъявила миру свою историческую миссию. Хотя только наличие этой миссии может гарантировать целостность народа. Историческая миссия существует у народа любой суверенной страны. У Польши – есть, у Финляндии – есть, у крошечной Литвы – есть, а у Украины – нет.

Историческая миссия есть, разумеется, у России. Вряд ли кто-нибудь будет это оспаривать. Её можно изучать, анализировать, описывать и интерпретировать, но её невозможно отменить. Замечу только, что Россия – европейское государство. И именно сегодня Россия вынуждена отстаивать те исконные европейские ценности, которые сложились в христианскую эпоху и от которых европейские правительства склонны отречься в угоду интересам так называемых «глобальных элит» – наднациональных центров силы.

Определённая роль в этом процессе принадлежит Русской православной церкви, стремящейся сберечь чистоту апостольского христианства. Шаги в этом направлении, кстати, временами предпринимает и Ватикан – как государство и как дислокация РКЦ.

В течение последних 25 лет на Украине формировался негативный тип идентичности. Западная часть Украины искала пути для того, чтобы вскочить на подножку Евросоюза, притулиться к миссии большой Европы и насильственно втянуть туда и русских, проживающих на Украине. Но ведь восточные и южные области Украины очевидно тяготеют к пространству так называемого русского мира. Центральная же Украина пребывает в зоне политической и идеологической «турбулентности».

Что делать в этой ситуации?

Необходимо, чтобы разные части Украины осознали свою принадлежность к некой общей миссии. Такой, которая объединяет, а не разъединяет нацию.

На самом деле историческая миссия большей части Украины совпадает с миссией России. Поэтому и только поэтому никакая другая миссия не придумывается, «не вытанцовывается». Альтернатива в виде вхождения в «западный проект» умозрительна и утопична. А поскольку у страны нет миссии, это огромное многоукладное пространство разваливается. Без высшего смысла оно не может существовать как целое ни культурно, ни территориально. Не потому, что там разные народности: моноэтничные страны в мире можно сосчитать по пальцам. А потому, что рвутся связи с материнским телом, происходит отказ от общих исторических побед и поражений, войн и революций, от общей литературы, музыки и науки. Эти нервные жесты означают лишь одно: на более низком уровне они отражают отказ от чего-то большего, глобального и возвышенного. Отказавшись от единой миссии, они оставили её России и оказались в вакууме. Именно этот вакуум и является источником украинской хаотичной и неустойчивой пассионарности. Заметим попутно, что миссия и государственные границы вовсе не обязательно должны совпадать.

Нельзя сказать, что на Украине не было попыток если не заполнить, то хотя бы заговорить этот вакуум. Они были. И, что крайне характерно, имели религиозные истоки.

Первые, кто попытался заявить нечто похожее на альтернативную миссию, – украинские униаты. Они считали и считают, что соединяют в себе расколотое христианство, соединяют православие и католичество. Эти идеи они повторяли все 25 лет. И сейчас униаты активно ведут свою миссию везде, включая Крым. Весь украинский народ, по их мнению, должен стать униатом. В этом его миссия. Они утверждают: «Мы преодолели в себе схизму». На самом деле это, конечно, неправда.

Униатство – не результат естественного синтеза, а стопроцентно католический феномен. Его адепты поминают папу римского на литургии и являются частью «латинского проекта», хотя у них есть виньетка в виде женатых священников. На самом деле это мостик для похода дальше на восток, для «дранг нах остен».

Конечно, собственным украинским проектом это движение не является. Речь идёт о «духе противоречия», действиях от противного, вопреки – по сути о банальном подрыве позиций православия.

Причём к этой задаче помимо униатов подключены и православные «майданные богословы». Речь идёт о том, что «москальское» православие – не кондиционное. Оно, мол, сотрудничает с властями, имеет за спиной опыт выживания в ходе советского периода (что, по их мнению, минус, а не плюс) и так далее. И наоборот: украинское православие – чистейшее, самое-самое, не какое-нибудь самопальное, без изъянов. И при этом политически грамотное, поскольку пропитано идеями Майдана. Вам это ничего не напоминает? «Мы – носители чистоты веры и мы её спасём» – мотив хорошо знакомый.

Созидание и утверждение в рамках украинских границ «чистого» православия в качестве исторической миссии также выглядит неубедительно.

Сравним. В XX веке такими же спасителями веры считали себя представители Зарубежной церкви. Вся их риторика была построена на осуждении и очернении Православной церкви, которая находилась на территории Советской России. После высылки из СССР Солженицын встречался с карловчанами и сказал им, чтобы они не строили иллюзий и признали, что судьба русского православия будет решаться в метрополии, а не в рассеянии. Те же слова можно обратить и ко всем православным церквям, которые сегодня зарегистрированы украинским правительством.

Заражённые вирусом майданного национализма сейчас чувствуют себя примерно так же, как эмигранты. Те, отмежёвываясь от Москвы, постоянно дробились и спорили друг с другом, утверждая себя только и исключительно за счёт отторжения метрополии. С абсолютно нулевым результатом.

Так и сейчас фактические и потенциальные раскольники ничего не добьются. Разумеется, не добьются они ничего в том случае, если сама Русская Православная Церковь не будет разложена изнутри либерал-православными симпатизантами Майдана.

А у нас, слава Богу, миссия есть. Она распространяется не только на Россию, но и на Украину, Белоруссию, Приднестровье, Молдову... Обозначить её легко: это отстаивание исконных основ мирового христианства. Это сохранение веры для современного секуляризованного мира.

ЕГЭ

Э то ж надо умудриться на глазах изумлённого народа ввести сословную и имущественную сегрегацию, когда в результате ЕГЭ и других столь же блистательно проведённых преобразований граждан лишили равного доступа к образованию.

Необходимо менять всю идеологию российской школы. Иначе можно ликвидировать Академию наук, закрыть российские вузы и обращаться к нашим американским «партнёрам» со словами: «Правьте нами». Третьего пути не будет.

МЕЖДУ ПИАРОМ И ЖУРНАЛИСТИКОЙ

Мне хотелось бы поговорить о пиаре и журналистике. Но поговорить не вообще и абстрактно, а обращаясь к очень узкой аудитории – моим коллегам, которые работают на ниве православной журналистики. Оба явления досконально изучены и описаны. Всем известно, что это вещи противоположные по своим задачам. Однако мы живём в эпоху перемен и переломов, живём в то время, когда относительность всего и вся утверждается как норма. В этой ситуации один и тот же текст может быть и пиаром, и журналистской работой. Всё зависит от контекста.

Весь секулярный мир находится сегодня в зоне пиара. Пиар направлен на раскрутку бренда. Вопрос первый: нужно ли пиарить православие? Православию много веков. Второй вопрос: нужно ли раскручивать бренд Церкви? Церковь – это вечный бренд. И мы не планируем его продавать или выгодно обменивать на иной продукт, на иной бренд.

Поэтому говоря о формах работы с религиозным материалом, выбирая между журналистикой и пиар-технологиями, мы, прежде всего, должны помнить о долге. Помнить о том, что, вступив в пространство Церкви, мы добровольно возложили на себя обязанности по сохранению и развитию Церкви как Божьего Дома. Мы в этом доме и хозяева и слуги одновременно. Поэтому главное – это определить задачи православных СМИ в сегодняшнем социальном контексте. Если мы сумеем их определить, то сумеем и реализовать: и в сфере журналистики, и в сфере пиара.

Прежде чем продолжить эту статью, мне хотелось бы оценить интеллектуальный уровень моего читателя. Мне хотелось бы понять, насколько вы образованны, каков ваш кругозор. Что вы уже читали, а что ещё не читали. Каких писателей и философов вы знаете. Способны ли вы сформулировать и изложить на бумаге разницу в мироощущении Малевича и Гогена, Малера и Шнитке, Пруста и Джойса? Ведь не обла-

дая высоким интеллектуальным потенциалом, вы не можете на равных вести диалог с вашими светскими оппонентами...

Стоп! Весь предыдущий абзац – чистая провокация. Перечитайте его. У вас возникло чувство стыда за то, что вы не читали Джойса и даже толком не знаете, кто это такой? У вас возникло чувство ущербности?

Надеюсь, что нет. Ведь это именно то, чего добиваются наши оппоненты. Внушить православным, что они ущербны, неполноценны, глуповаты. Что они не способны к аналитической работе. Что у них низкий профессиональный уровень. И так далее. Цель – парализовать вашу волю к самостоятельному независимому мышлению. Не читали Джойса? Содрогаетесь от Шнитке? Ничего страшного. Мир устроен так, что одни читают Джойса, а другие – Феофана Затворника. Одни слушают Шнитке, а другие – Мусоргского.

Ваши знания и ваш религиозный опыт позволяют вам видеть реальные политические и религиозные процессы, понимать их, оценивать место Церкви в этом процессе и принимать правильные решения. Так что никогда не тушуйтесь перед тем, кто пытается снисходительно поставить вас на место. Это всего лишь психологический трюк в полемике. Не более того.

Православные журналисты могут предлагать свою церковную, отличную от атеистической либеральной повестку дня.

Что же мы можем предложить в качестве этой повестки дня? Она должна быть актуальна, то есть отвечать политическим вызовам времени и вместе с тем соответствовать глобальным историческим задачам, которые стоят перед христианами.

Сегодня российскому обществу необходимо заключить новый общественный договор, в котором главную роль будут играть не политические и экономические, а негласные нравственные правила. Без них любые механизмы, включая экономические, не могут функционировать. Без выполнения негласных моральных норм горизонтальные связи в обществе рвутся, социальные лифты не работают, процветают

сепаратизм, коррупция и экстремизм. Отсутствие нравственных ориентиров в обществе приводит к огромным человеческим и цивилизационным потерям.

В современном мире любая ценность предельно функциональна. Нравственность в том числе. Она есть условие взаимного доверия. Без неписаных правил люди глухи и слепы по отношению друг к другу, они не составляют единства и становятся легкой добычей предприимчивых авантюристов, откуда бы последние ни приходили – из «оппозиции», из «власти» или из других, более солидарных и пассионарных групп и институтов.

Традиционные нормы – базис любого успешного общества. Любая другая идеология всегда будет моралью отдельной группы в ущерб интересам остальных. Традиционные нормы способны объединить всех. Эти нормы – не повинность, это – капитал взаимного доверия. Как говорят в таких случаях американцы, вкладываясь в этот капитал, каждый получит свою долю прибыли. В выигрыше окажутся все жители нашей страны. И напротив: если в обществе нет неписаных правил, оно распадается.

Без солидарности нет общества. А без нравственности нет солидарности.

Все мы знаем о том, как часто интеллектуалы критикуют правила политкорректности, породившие в западном обществе двойную мораль. Но в 1960-е годы Европе и Америке удалось избежать социальных потрясений, используя правила уважения друг к другу людей разных культур, национальностей и социальной принадлежности. Эти правила выполнялись на уровне слов и бытового поведения. Однако сегодня политкорректность и толерантность уже не справляются с задачей консолидации общества. Они выполнили свою задачу и уходят со сцены.

Мы находимся перед иными угрозами. Главная – это рост правового нигилизма. Когда позволено безнаказанно давить пешеходов, врываться в храмы, продавать любой товар и контент, будь то пропаганда насилия и алкоголизма, наркотиков, разврата.

Но мы избежим угроз, если договоримся и будем сами, без министерской указки, контролировать информационную сферу, следить за её чистотой. Сегодня нам нужны новые правила поведения. Это правила *социальной корректности*. Приняв их, как когда-то Запад принял правила корректности политической, мы покажем, что являемся нацией и готовы уважать друг друга. Тем самым мы сможем сохранить ценности, без которых общество не выживет. Это, как уже было сказано, солидарность.

И, конечно же, семья. Семья есть ядро социальной системы и образец нравственного согласия. Её необходимо охранять.

И ещё одна чрезвычайно важная задача социальной корректности – преодоление в обществе раскола, вызванного историческими причинами. Это означает необходимость примирить белых, красных и всех остальных. В последние десятилетия мы и так лишили страну права на любую историческую преемственность, будь то преемственность советская, дореволюционная или религиозная. Обществу надо вернуть право на историю. Нам нужен консенсус по поводу собственной истории. Мы должны знать, кто мы такие. Социальная корректность также позволит преодолеть разногласия на этом пути. У нас должно быть единое прошлое, если мы хотим иметь единое будущее.

Утверждение взаимного доверия (солидарности), семейные ценности, право на единую историю и должны стать нашей положительной повесткой дня.

Сегодня у нас, христиан, есть очень высокие шансы изменить ситуацию в стране, повернув общество лицом к традиционным ценностям.

КОНСЕРВАТИЗМ КАК ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ФАШИЗМА

Амнистия

В 1983 году, вернувшись из лагеря, мама рассказала необычную историю из её зековской жизни.

«Мы возвращались колонной из рабочей зоны в жилую через посёлок Горный со второй смены. Полторы тысячи зечек. Стояла зима 1982 года. Девять часов вечера. Перед жилой зоной нас остановили на обычный шмон. Неожиданно задул очень сильный ветер и послышался гул, земля шаталась. Из-за сопки начал подниматься светлый диск — серебристое зарево. Диск поднимался и освещал всё вокруг — сопки, зону, посёлок. Стало абсолютно светло, как днём. Светлый диск заполнил половину небосвода. Это было так страшно, что все оцепенели. И зечки, и конвой, и собаки. Стояли не шелохнувшись. Как замороженные. Это явление длилось около часа. Диск начал опускаться и как бы растворяться. Снова наступила темнота. Ветер стих. Гул стих. Шмон отменили. Всех быстро провели в зону. Женщины решили, что это знак — скоро будет амнистия».

Консервативный поворот, который наблюдается сегодня в российской власти, закономерен и неизбежен. В истории любой страны можно найти периоды разбрасывания и собирания камней. Обычно это связано с какими-либо историческими переходами, общественными изменениями. Но в России 1990-х произошло нечто иное. Вместо преодоления исторических разрывов и перекосов советского времени мы получили сильнейшую дезинтеграцию и деградацию общества: страна едва не потеряла управляемость и не лишилась суверенитета. Процессы распада зашли далеко. «Разбрасывание камней» превратилось в идеологический суррогат, на его основе в обществе сформировалась негативная идентичность. А это уже системный сбой социального организма. Сегодня посредством консерватизма общество и государство восстанавливает свой иммунитет — основу всякого здорового организма.

На примере Украины мы видим, как отсутствие такого иммунитета толкает общества к пещерным идеям, нацизму, гражданской войне и крови. Сегодня наша страна вынуждена ускорять движение по консервативному пути, чтобы не оказаться перед теми же угрозами. Здоровый консерватизм — лучшее противоядие от фашизма.

Консервативный поворот российской власти — необходимая социальная терапия. И он может иметь только позитивные последствия. Но лишь при условии, что эта линия будет проводиться последовательно и достаточно быстро. Любое лечение помогает, если проводится вовремя и доводится до конца.

Конечно, не всё пока проходит гладко, как хотелось бы. Во-первых, внутри правящего класса и вокруг него существуют разные группы с разными интересами. И если подавляющая часть общества осознаёт необходимость консервативного курса, то в «высших эшелонах» всё не

так просто. Но невозможно идти против течения. Время для консолидации в обществе и в элитах ограничено: страна стоит перед серьёзнейшими историческими вызовами.

Актуальным в российской и глобальной повестке дня для консерватизма является поиск новых форм для старой идентичности. Не годится ни разрыв с ней, ни антикварное поклонение отжившим институтам. Например, Европе как воздух необходимо возвращение к христианским ценностям, новая христианизация общества. Но это отнюдь не означает возврата к средневековым элементам теократии. Светское государство остаётся светским. Речь именно о ценностях. Почему? Потому что это основа собственной идентичности, отказываясь от которой, Европа перестает быть собой. Перед Россией стоит в сущности та же проблема. Наша задача – быть впереди, а не в хвосте этого процесса.

Потенциал консерватизма как политической идеологии с точки зрения выполнения типичных для идеологии задач (мобилизации общества, консолидации элиты, выработки стратегии развития, диалога с внешним миром) очень высок. И причина в том, что именно консерватизм как наиболее универсальная и интегральная идеология способен выполнять все эти задачи одновременно. Никакой другой идеологии это не под силу.

Здесь очень важно понимать следующий момент. Подлинный консерватизм – отнюдь не «крайнее» или радикальное направление мысли, как иногда ошибочно говорят о нём. Напротив, это самая политически трезвая позиция. Консерватизм – наименее фанатичное направление политической мысли, поскольку он никогда не ставит часть выше целого, какую-либо одну идею – над всем интеллектуальным опытом нации.

На уровне политического пиара и в ходе геополитических баталий консервативные установки нередко подвергаются критике. Но надо понимать, что на самом деле в западном мире считаются лишь с теми и уважают только тех, кто способен защищать свои ценности, свой путь и свою историческую миссию. Хотя бы потому, что такая страна является предсказуемой и договороспособной и может быть долговременным и

надёжным партнёром. Это должно касаться отнюдь не только газовых поставок. Ну, а негативная риторика вызвана международной политической конкуренцией, которую никто не отменял.

На самом деле национальное самоопределение и суверенитет и есть основа подлинного, а не придуманного европеизма. Не случайно в самой Европе «европеизмом» является самостоятельность, а не подражание. Подражание – удел отсталых и слабых.

МЫ ВОЕВАЛИ С НАЦИСТСКОЙ ЕВРОПОЙ

Мариуполь

«Это была Страстная Пятница. Я сел на станции “Смоленск” в проходящий поезд “Мариуполь – Ленинград”. Состав с буквами “СССР” на вагонах тронулся на север. Запах угля и дыма проникал во все щели окон общего вагона, прицепленного первым за паровозом, и напоминал запах ладана».

Этой фразой начинается моя книга «Религиозное измерение журналистики».

Всё моё смоленское детство я ездил на каникулы к бабушке в Ленинград поездом «Мариуполь – Ленинград». Это были два волшебных слова. Мягких, тягучих, как тихая песня... В её звуках слышались таинственные имена: кто эти неведомые Мария и Елена, эти Польша и Град? Я, восьмилетний, втискивался в общий вагон, горячий и душный, пропахший снадью и до отказа заполненный пассажирами. Мариупольцы удивлялись, как такой маленький путешествует один без родителей, угощали огурцами и синеватыми куриными яйцами, которые нужно было окунать в спичечный коробок с солью. А ночью, когда свет был потушен, лёжа на третьей полке, я велушивался в южный говор, в исповедальное воркование о дочерях и внуках, о зарплате и урожае, о заводах, недоплаченных ночных сменах и путёвках...

Я никогда не был в Мариуполе, в этом загадочном и очень мне родном городе из детства.

Сохрани их, Боже...

Давайте зададим себе вопрос честно и без обиняков. Кто кого победил в 1945 году, если сегодня филиал Третьего рейха начинается прямо за российской границей?

Давайте будем искренни сами с собой хотя бы из уважения к памяти павших. Фашизм – не сумасшествие. Фашизм прагматичен и ясно определяет своего врага – этнического, культурного или религиозного. У него есть чёткая цель. И сегодня эта цель – русские. Мы находимся в состоянии войны. Непонимание этого факта приводит к серьёзным последствиям уже сейчас.

Сегодня есть силы, которые заинтересованы в том, чтобы новое поколение россиян училось по искажённым учебникам и методичкам. Чтобы 9 мая (конец геноцида) стало днём «национального покаяния», а отечественная, оборонительная война была признана «русской агрессией против Европы». На Украине уже официально запрещены и «символы советского прошлого», и термин «Великая Отечественная».

Если мы хотим переломить эту ситуацию, а не наблюдать в состоянии локальной деменции за мировоззренческим разложением российского общества, мы срочно должны действовать. В обществе должно быть чёткое понимание того, что фашизм – это идеология, в основе которой всегда лежит комплекс превосходства, принцип градации «человеческого материала» и выделение якобы неполноценной группы, по отношению к которой можно не соблюдать человеческие законы.

Если мы хотим переломить эту ситуацию, нам необходимо признание статуса русских как «народа-жертвы» и «разделённого народа». Необходимо точно определить ущерб, понесённый русскими в XX веке. Необходимо поставить вопрос о репарациях со стороны стран гитлеровской коалиции.

Нам необходимо признание Великой Отечественной войны 1941-1945 годов геноцидом народов, входивших в состав СССР, в частности

русских. Это легко доказать по разработкам немецкого руководства, относящимся, в частности, к печально известному плану «Ост», по таким программным документам, как знаменитая брошюра «Унтерменш».

Освещение темы Великой Отечественной войны в СМИ также требует серьёзной корректировки. Необходимо уточнить, с кем и за что мы воевали. Самый простой ответ – с германским фашизмом. Это правда. Но это не вся правда. А частичная правда порой бывает разрушительнее откровенной лжи, поскольку легче усваивается. Да, с германским, но не только. Стоило бы лишний раз напоминать о 3-й румынской армии под Сталинградом, о венгерских и французских подразделениях в составе войск СС, например, о дивизии «Шарлемань» (Waffen-Grenadier-Division der SS „Charlemagne“), названной в честь Карла Великого. Не стоит забывать и о том, что Чехословакия была оружейной мастерской Третьего рейха.

Скажем без обиняков: мы воевали с объединённой нацистской Европой. По этой причине мы не можем встать на абсурдную позицию: мол, Великая Отечественная – это общая трагедия «двух народов» – русского и немецкого. В этом случае мы ничего не поймём в её истоках.

Необходимо признать: нацизм был не каким-то немецким «казусом», уродцем для исторической кунсткамеры, как его ещё недавно представляла либеральная историография. Он был закономерной европейской тенденцией своего времени. И сейчас мы наблюдаем лишь новую «волну» евронацизма; именно так об этом явлении и следует говорить.

Пересмотр итогов войны значителен в ближайших планах неонацистов: вспомним заявления Арсения Яценюка о том, что СССР захватил Германию и Украину. В ответ нам необходимо чётко закрепить в учебниках и СМИ оценку действий сторон в ходе Великой Отечественной. Гитлеровская коалиция (именно так, а не просто «Германия») – агрессор, Россия-СССР – жертва. Спекуляции на тему намерений сторон неуместны.

Говоря о пакте Риббентропа-Молотова, необходимо рассматривать его в контексте раздела Европы в результате Мюнхенского пакта 1938 года (раздела Чехословакии), аншлюса Австрии и других договоров

между Германией и «союзниками», пактов о ненападении, подписанных с Германией министрами иностранных дел Латвии и Эстонии, договора о «дружбе и сотрудничестве», который Польша заключила с Германией сразу после прихода Гитлера к власти, а также в контексте отказа Англии, Франции и Польши заключить с СССР антигерманский пакт. С учётом этих обстоятельств договор с Германией был абсолютно логичным шагом, отсрочившим агрессию стран «оси».

Следует признать кощунственной постановку вопроса о «цене Победы». Суверенитет и физическое выживание народа не могут оцениваться с точки зрения «цена-качество». Это мерзко и этому нужно положить конец. Миф о намеренном «заваливании врага трупами» документально не подтверждается. Чтобы понять это, достаточно почитать мемуары немецких военачальников, которых никак не заподозришь в советской пропаганде. Например, Гейнца Вильгельма Гудериана, генерала бронетанковых войск, автора метода танковых «клиньев». Этими «клиньями» немцы успешно «разрезали» советскую оборону в начале войны. Так вот генерал Гудериан пишет, что русские очень быстро, «уже к ноябрю 1941-го научились воевать». А перелом в ходе войны, по его мнению, определялся превосходством советской военной промышленности. В СССР удалось наладить выпуск «Лавочкиных» и универсального, надежного «Т-34» в огромных количествах и огромными темпами. В то время как Гитлер замешкался и погряз в своих танковых и прочих экспериментах. В итоге врага действительно завалили, но не трупами, а военной техникой.

Необходимо прекратить попытки реабилитации предателей своего народа, таких как генерал Власов. Когда такие попытки делают люди, занимающие не последние должности в государственных учреждениях, иначе как сознательной пропагандой фашизма эту ситуацию назвать трудно. Неуместно также устанавливать памятные знаки врагам, например, Маннергейму.

Уверен, что было бы правильным решением наряду с Победой 9 мая отмечать трагическую дату 22 июня – день начала геноцида русского и дружественных ему народов.

К сожалению, в 1945 году фашизм не был добит. Сегодня он возродился. 9 мая 2015 года – праздник со слезами на глазах. Но не слезами радости, как было 70 лет назад, а со слезами по тысячам невинно убиенных.

Хозяин, работа есть?

В «нулевые» один ну очень известный политтехнолог создал для прикрытия махинаций либералов-шулеров пару десятков карманных «националистов» и «охранителей». Масти у них разные (православная масть, языческая масть, атеистическая масть и проч.), но задача одинакова – провокация. Удивительно, что подбирали их всех как в кремлёвский полк – очень похожих. В обязательном порядке должны присутствовать истероидность и некий привлекающий внимание легкий физический недостаток (ожирение, сутулость, слабое зрение, дефект речи, нетрадиционные влечения). То есть они, по замыслу их демпурга, должны были быть страшны и смешны одновременно. Они исправно выполняли поставленные задачи, но сейчас остались без привязи и присмотра. При этом подросли и хотят есть. Выстроились в ряд и наперебой предлагают свои услуги, как таджики на Ярославском тракте: «Хозяин, работа есть?»

ЭКСГУМАЦИЯ ФАШИЗМА

В 2014 году мы стали очевидцами страшного события – легализации фашизма. Ультраправый переворот и геноцид русских на Украине были поддержаны ведущими западными странами. Либеральное общество вступает в состояние неоархаики, как это имело место ранее, в 1930-е годы.

Давно обращало на себя внимание постепенное превращение понятия «фашизм» из научного термина в пустой эмоциональный ярлык, который политики и блогеры использовали в перепалках по любому поводу. Сегодня резкое похолодание политического климата очень ощутимо, но не все готовы признать очевидное: фашизм реабилитирован, русскому обществу объявлена этническая война. В России период «отрицания болезни» затянулся, и это тревожный факт.

Необходимо восстановить в правах понятие «фашизм», напомнить о его подлинном содержании.

Когда-то термин «фашизм» обозначал локальное явление – режим итальянского диктатора Бенито Муссолини. Позднее он поменял смысл и стал синонимом нацизма (национал-социализма) Третьего рейха. В 1950-1990-е западная политология называла фашизмом любой репрессивный, полицейский режим и отождествляла его с паранаучным термином – «тоталитаризм» (см. «Истоки тоталитаризма» Ханны Арндт, «Открытое общество и его враги» Карла Поппера, статьи Збигнева Бжезинского). Это было сделано для того, чтобы объединить нацизм и коммунизм, явления идеологически полярные и имеющие разные социальные базы: в одном случае – крупную буржуазию и средний класс, в другом – пролетариат и городские низы.

Теория бинарного тоталитаризма не имеет серьёзного научного статуса. Термину «фашизм» сегодня возвращён его исторический смысл. Это синоним расизма и всех его разновидностей – культур-расизма (идея культурного превосходства), социал-расизма (идея социального неравенства как от природы данного разделения людей на господ и холопов) и т.п.

Основная идея у этих доктрин одна: миф превосходства и принцип «градации человеческого материала». При этом всегда находится группа, в отношении которой «закон не писан» и «всё дозволено».

Фашизм направлен против той части идентичности, которую человек не может изменить – этнической. Этим он принципиально отличается от обычного авторитаризма, требующего по отношению к себе идеологической лояльности. Фашизм не оставляет человеку никакого «или». Именно поэтому теория двух тоталитаризмов, пытающаяся соединить фашизм и коммунизм, – кощунственна.

Иногда выделяют несколько признаков фашизма, а итальянский профессор Умберто Эко насчитал их целых 14. Но, как правило, это лишь размывает предмет разговора. Миф превосходства – важнейший признак. Остальное факультативно. Дополнительные определения порождаются желанием «прицепить» к фашизму что-то ещё, по той или иной причине не устраивающее теоретика.

Например, «национальную гордость». Нормальные люди гордятся своим народом и его культурой, но не стремятся уничтожить другие народы. В этом отличие национализма от нацизма.

Или «традиционализм». Если бы дело было в традициях, народы бы веками пребывали в состоянии фашистской лихорадки. Традиция – враг «голоса крови», в ней нет логики исключения, а фашизм этой логикой живёт. Не случайно он связан с протестантской линией в христианстве и её идеей «избранности ко спасению». Помимо идеи исключительности фашизм рождён духом обновления, уничтожения слабого и «ненужного» ради победы силы, новизны и рациональности. Повторю: традиция – главный враг фашизма.

Идея сильного государства сопутствует фашизму, но не определяет его. Олимпиада 1936-го, «Олимпия» Лени Рифеншталь – это символы сильной государственности. Но фашизм Гитлера заключался не в Олимпиаде, а в Нюрнбергских расовых законах, казнях славян, евреев и цыган, планах колонизации восточных территорий.

Да, война 1941-1945 годов была противостоянием авторитарных государств, но лишь с немецкой стороны она была войной этнической. Намерений проводить геноцид «неполноценных арийцев» не было ни у советских солдат, ни у Иосифа Сталина.

В Европе в последние десятилетия было модно рассуждать о фашизме как «реакции на большевизм». Действительно, рост влияния левых идей в Европе первой половины XX века вызвал активизацию ультраправых сил. Но корни фашизма куда древнее марксистских и большевистских. Фашизм возник как оправдание колониальной экспансии. Гитлер не придумал ничего нового. Он лишь перенёс с окраин мира в центр Европы кровавые колониалистские методы англичан, французов, испанцев... и сделал уничтожение людей быстрым и технически совершенным (газовые камеры, массовые захоронения).

Режим 1930-х годов в Германии – законный ребёнок европейского либерального капитализма. Этот вывод серьёзно ранит европейское самосознание и жёстко табуирован. Но шила в мешке не утаишь. Авторы левого направления всё чаще развивают эту идею. Так, историк и экономист Иммануил Валлерстайн называет расизм «этническим маркером», который капитал использует для утверждения несправедливого разделения труда, помогая придать «естественный» вид глобальной зависимости.

Сегодня мы наблюдаем архаизацию общества и скатывание его к состоянию «новой дикости». Отсюда рассуждения европейских политиков об Украине как «форпосте цивилизации». Впрочем, и утверждение, что Россия «не соответствует демократическим стандартам», уже вряд ли может кого-то обмануть: эвфемизмы – продукт языка, а не политической реальности. Эта фраза маркирует Россию как «неполноценное» государство, населённое «неполноценными» людьми («ватниками», «колорадами»). Неофашистская модель в рамках либерализма часто выстраивается путём смещения границ толерантности. На одних толерантность распространяется, на других – нет. Условием защиты прав одной группы является уничтожение прав другой.

Политический миф о глубинном противостоянии либерализма и нацизма всегда опровергался независимыми историками (см., напр.: Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». Курс лекций, прочитанный в Гейдельбергском университете. Санкт-Петербург, 2003). Сегодня этот миф окончательно дискредитирован.

Родство двух идей – фашистской и либеральной – очевидно. Обе они восходят к идее естественного отбора, перенесённого на человеческое общество. Иначе говоря, сильнейшие должны выживать за счёт слабейших. В эпоху социализма эту доктрину принято было называть «социал-дарвинистской». Действительно, принцип сохранения приспособленных рас («the preservation of favored races»), перенесённый в общественные науки, вылился в принятие Нюрнбергских законов, призванных охранять «чистоту расы и крови», – «Закона о гражданине Рейха» («Reichsbürgergesetz») и «Закона об охране германской крови и германской чести» («Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre»).

Возвращение фашизма – признак определённых исторических ожиданий. На эту меру экономические элиты идут ради отсрочки финала мирового кризиса. Но в итоге фашизм приведёт западное общество к краху.

АЗС

Степь, ты, полустепь, полупустыня,
Все в тебе смешались времена,
Слава нам твоя явлена ныне,
А вдали Великая стена-стена.

Алексей Хвостенко

90% водителей подлетают к бензоколонке, самостоятельно выходят из автомобиля в грязь, вставляют пистолет, платят в кассу, стоят на ветру, пока идёт заправка, потом собственной рукой (железное правило безопасности) закручивают крышку бака, садятся за руль и, встав на трассу, довольно сжимают баранку — полный бак даёт ощущение уверенности и покоя.

10% водителей тихо подкатываются к автозаправочной станции, протягивают в окошко тысячу рублей человеку в грязной жёлтой куртке, улыбаются ему как равному, спокойно глядят в его просящие глаза, произносят: «на 950, пожалуйста», — поднимают окно и включают погромче «Эхо Москвы». После мелких кивков головой человека в грязной жёлтой куртке трогаются, выкатываются на дорогу и восхищаются свободолобием Венедиктова.

Вновь у нас на дворе время ложных альтернатив. В 1990-е нас поставили перед нелепым выбором: неолиберализм или коммунизм. Либо одно, либо другое. Сегодня это не работает. Уже никого не напугаешь красно-коричневым реваншем, нужно что-то новенькое.

Нынче насильственно пытаются поделить на западников и евразийцев, вновь убеждая в том, что третьего или четвертого пути не может быть, потому что не может быть никогда.

Казалось бы, два лагеря — евразийцы и западники — должны пребывать в серьёзном идейном конфликте: политические векторы-то у них противоположные. Но при ближайшем рассмотрении всё выглядит несколько иначе.

Как только возникает конфликт из-за очередного мигрантского анклава — оба лагеря дружно встают на защиту нелегальщины и отказывают местному большинству в праве на гражданскую позицию. Почему?

По всей видимости, важна не сама позиция, а делёж аудитории. Причём, не своей. Выдвигая ложную альтернативу — евразийство или западничество, — русских заставляют встать под одно из знамён, забыв о собственных интересах. При любом выборе они оказываются в проигрыше. Но их голоса уже использованы. Западники и евразийцы делят чужой политический ресурс. И у них явно нет друг к другу претензий, что бы они ни говорили на «круглых столах».

Пренебрежение правами большинства давно переведено на два разных политических языка и выражается двумя синонимичными понятиями. Специально для державников — а державность сегодня в тренде —

это «евразийство», для либералов-западников – «мультикультурализм». Разные адресаты, разные термины – одно содержание.

Гуру евразийства уже не раз рассказывали нам о глубинном родстве и единстве православия, ислама и конфуцианства, а апологеты западничества – о неизбежности секулярной реформации и отмены патриаршества. При этом заметим, что ни там, ни там не остаётся места традиционному большинству, идентифицирующему себя с православием.

Автор одного популярного делового издания на голубом глазу утверждает: «Если бы не было Орды, Бату-хана и евразийской идеи, то их стоило бы придумать». Дальше идут откровения одно другого хлеще. Например, такое: «Славяне, сами, без степняков, мало чего добились в истории, в итоге оказавшись немецкими и турецкими рабами». Чтобы хоть как-то объяснить, автор признаётся: «У нас нет ни малейшего желания быть цивилизованными европейцами или славянами. Просто потому, что мы не хотим быть лузерами».

«Да, скифы мы! Да, азиаты мы!» – этот глупый блоковский эпатаж со времён Серебряного века сильно потерял в своём обаянии. Лучше бы вовремя остановиться, если мы не хотим выглядеть смешно.

Да, наша история трагична. Но прежде всего потому, что она сопровождалась многократными разрывами с традицией, которые сами по себе превратились в традицию (раскол, петровские реформы, 1917-й, 1991-й).

Сложившийся консенсус евразийцев и западников чреват новым серьёзным разрывом с традицией, за который русским придётся заплатить высокую цену. При этом совершенно не важно, в каком именно направлении рвётся традиция – в западном или восточном. Разрыв есть разрыв.

В любой такой концепции, евразийской или западной, присутствует изрядная доля фатализма: мол, мир глобализуется, Восток – наш главный партнёр, без мигрантов экономика рухнет, демография провалится. И вообще «современное общество» (кто и где

определил его параметры?) требует отмены таможенных барьеров и виз, демаркаций, диверсификаций и, разумеется, трансакций... Конец дискурса. Этот словесный трэш маскирует очень простую ситуацию: западники и евразийцы при кажущемся различии находятся в очень тесном симбиозе. Они успешно делят информационное поле, создавая видимость содержательной полемики и вытесняя из него другие мнения, хотя каждая из доктрин представляет интересы явного меньшинства.

В евразийском лагере не устают повторять: «Россия – это государство-цивилизация». На первый взгляд звучит красиво и патриотично. Раньше эта формула использовалась для отмежевания от западничества, что само по себе правильно и необходимо. Вот только для отмежевания от восточного влияния и от оттока ресурсов «на восток» аналогичный аргумент почему-то не применяется. Странный перекосяк, не правда ли? Похоже, что «отдельная цивилизация» в понимании адептов евразийского пути является «отдельной» только в одну сторону. Этот парадокс зеркально отражает концепцию «открытого общества», противоположную по идеологическому вектору. Открытое общество в финансово-экономическом смысле открыто тоже в одну сторону, но противоположную от евразийской – в сторону вывоза капиталов, от стран периферии к лидерам мирового рынка, в общем, «на запад».

Кратковременный успех евразийской идеи объясним. Россия сейчас на перепутье, она находится в поисках своей идентичности – это крайне неустойчивое состояние. Идея всеславянства непопулярна, путь к единству православных наций – верен, но долог и тернист. Зато евразийская идея «проглатывается» очень легко, поскольку оперирует гигантскими категориями (Европа, Азия). Такие манипуляции не требуют подтверждения ни политической, ни исторической конкретикой. Попробуйте спуститься с небес географической терминологии и обосновать какое-нибудь русско-китайско-таджикско-казахское родство. Что, не получается?

Будет очень жаль, если мы утонем в нескольких метрах от берега. Ведь секулярно-просветительский проект в Европе явно зашёл в тупик. И России, если она сохранит свои православно-общинные социальные традиции, суждено стать одной из стран-хранительниц исконной европейской идентичности. Исконной – значит христианской, сложившейся задолго до всяких евростандартов. Но это произойдёт лишь в том случае, если сегодня мы устоим против либерально-евразийского соблазна.

У мёртвых есть права

Я люблю кладбища и не понимаю тех, кто их боится. Мы с женой часто поздним вечером идём прогуляться на могилу моей матери, которая похоронена в Тарусе. Свечи зажжём, и сразу тепло на душе становится. Мы единое целое с нашими предками. В церкви ведь молимся одинаково и за мёртвых, и за живых. Более того, я считаю, что на умерших должно распространяться понятие «права человека». Они умерли, а права у них остаются. В том числе и политические, и социальные. Мы должны уважать наших предков и их мечты о будущем России. Мы не можем игнорировать их желания и планы. Предки – источник нашей силы в той борьбе мировоззрений и смыслов, которая сегодня идёт. Мы молимся о них, они молятся о нас. Это абсолютно реальная живая связь. Мы сегодня только начинаем как народ снова собираться воедино после всех разрушений XX века. Именно поэтому нас искусственно пытаются оторвать от нашей истории, делят на красных и белых. Навязывают гражданскую войну. Чтобы мы не создали, а разрушали и разрушались.

РУССКИЙ МИР И ПРОБЛЕМЫ РУСОФОБИИ

До недавнего времени термин «руссофобия» вызывал у думающего человека больше вопросов, чем ответов. Сегодня становится всё более очевидным тот факт, что русские в XX веке пережили собственную Катастрофу, начало которой нужно отсчитывать от дня создания Австрией в 1914 году концентрационного лагеря Талергоф, в котором погибли тысячи православных русскоязычных русинов. Название этого лагеря смерти каждый русский должен знать наряду с Освенцимом и Бухенвальдом.

Мы помним о геноциде, которому подверглось *гражданское* население СССР в 1941-1945 годах. Эти потери до сих пор не возмещены. Важно понимать, что эти люди не являются обычными жертвами войны. Со стороны Третьего рейха и его союзников это была этническая война; Гитлер и его окружение этого не скрывали.

Но и в конце XX века испытания не закончились.

Ещё в 1990-е было ясно, что положение этнических русских, оказавшихся на территории бывших советских республик в статусе национального меньшинства, с каждым годом ухудшалось. Русский язык изгонялся из обращения, русские школы закрывались, трудно было устроиться на приличную работу и рассчитывать на карьерный рост. Кое-где под предлогом политики «натурализации» русские получали статус «неграждан» (Латвия, Эстония). Фактически русские оказывались отселёнными в правовое гетто.

На Украине в 2014-м дискриминация переросла в геноцид русского населения, организованный на уровне официальной власти. Процесс нарастал постепенно. Но наступил день, когда десятки русских сгорели в огне Одесского дома профсоюзов. Невозможно отрицать тот очевидный факт, что русские – один из народов, подвергшихся геноциду в прошлом веке, – подвергается ему и сейчас.

В 2014 году Президент России Владимир Путин публично назвал русский народ «самым большим из разделённых народов». Это проти-

воестественное состояние русских напоминает еврейский «галут» («изгнание», «рассеяние»). Но если евреи уже пережили свою Катастрофу, то русские продолжают переживать её.

Русская Катастрофа должна получить собственное имя, имеющее корни в русской языковой традиции. Отсутствие названия русской Катастрофы недопустимо. Вдумайтесь – явление есть, а названия у него нет! Жизнь слов неотделима от жизни вещей и явлений. Без собственного имени, без собственного названия этой национальной трагедии мы не сможем отстаивать права русских ни внутри страны, ни на международном уровне.

Возможно, это будет слово «*плаха*» («эшафот», «место казни», в разговорной речи – «смертная казнь»).

Только всенародно склонив головы перед тысячами недавних жертв, мы можем извлечь исторические уроки из того, что произошло.

Особенно отрадно, что в защиту русского народа поднимает свой голос Церковь и её Предстоятель. Церковь делится советами – как нам избежать новых проявлений руссофобии, как в самой России, так и за её пределами.

Важным событием в этом смысле надо считать выход в 2015 году книги Святейшего Патриарха Кирилла «Семь слов о русском мире». Эта книга наследует древнерусскому жанру Слова, возвращает к жизни его литературный канон. В книгу вошли семь «слов», которые в разное время были произнесены Предстоятелем Русской православной церкви на форумах и собраниях Всемирного Русского Народного Собора и Рождественских парламентских встречах.

Произнесённые во время выступлений, эти размышления и тезисы и в письменном виде сохраняют энергию живого общения, прямого обращения к единомышленникам, желание достучаться до сердец всех граждан России.

Хронология книги охватывает сложнейший политический период – 2012-2015 годы. За это время тематическая палитра постоянно менялась. В смене тем и акцентов прослеживается тот огромный тектонический

разлом истории, который совершился в мире за последние годы и кардинально повлиял на состояние российского публичного пространства. Именно этот сдвиг привёл к укреплению того магистрального направления общественной мысли, у истоков которого стоит Глава Всемирного Русского Народного Собора Патриарх Кирилл, основавший наш Собор в трагическом для русской истории 1993 году.

Лейтмотивом этого направления можно смело назвать русскую тему – заботу об укреплении национальной идентичности, которая определяет государствообразующую роль русского народа и его культуры.

В главах этой книги вы найдёте рассуждения об исторической судьбе русского мира, то есть пространства, населённого носителями русской идентичности. Автор пишет о роли Церкви в предотвращении гражданских и национальных конфликтов. Здесь прямо сказано о внимании к проблемам русских в национальных окраинах и об особой исторической миссии окраин географических, таких, например, как Калининград, западный форпост русского исторического пространства. Мы слышим настойчивые призывы к политическому классу России снизить остроту социального расслоения в стране.

Любое высказывание Предстоятеля Церкви, где бы и при каких обстоятельствах оно ни прозвучало, является проповедью. Проповеднический дар – это то, что промыслительно даётся священнику при хиротонии. Это один из мистических аспектов жизни Церкви. Но оставаясь проповедническими, главы этой книги выходят за рамки религиозной тематики, они затрагивают широкий спектр социальных вопросов. Здесь мы знакомимся с автором как социальным мыслителем.

В Москве, в Институте социально-экономических и политических исследований состоялся научный семинар, посвящённый анализу идей Святейшего Патриарха. В нём приняли участие ведущие российские аналитики и эксперты.

Несмотря на то, что духовная власть Церкви и светская власть государства разделены согласно Конституции, никакого «отделения Церкви от общества» никогда не существовало, как бы этого ни хотелось

профессиональным антиклерикалам. В стране, где 80% населения придерживается православных убеждений, хотя и имеет разную степень воцерковленности (то есть разную степень погружённости в молитву), это просто невозможно.

Церковь не может оставаться безучастной к внутренним проблемам в стране, которая сегодня оказалась перед крупнейшими геополитическими вызовами с момента окончания Великой Отечественной войны, когда встал вопрос об историческом выживании русского народа. Книга «Семь слов о русском мире» содержит в себе призыв к трезвению и духовной твердости.

Все главы этой книги объединены чувством глубокого, нерасторжимого единства национального духа и принципов справедливости, соборности, солидарности и «всемирной отзывчивости» апостольского христианства.

ПЕРЕЛОМ И ПЛАХА

Соборование

«Услыши ны, Боже! Услыши ны, Владыко!»
И масло слезами со лба по глазам — вниз.
И струйки дыма погашенных свечей — ввысь.
И что им всем нужно от нас?
Когда же они оставят нас в покое?

В последние годы российское общество испытывает вакуум идеологии. Ещё в 2013 году, когда вышел в свет сборник «Перелом» (первый из трёх в намеченной серии), мы, его соавторы, прекрасно понимали: без преодоления идеологического вакуума и официального признания складывающегося национального консенсуса при первом же внешнем вызове в стране возникнет гражданский кризис.

Поэтому большинство статей сборника «Перелом» были посвящены упреждающему ситуацию выходу из идеологического тупика. Условием этого выхода я вижу синтез левой и консервативной идеологий, который отвечает умонастроениям подавляющей части российского общества. Как позднее показали опросы, эта позиция характерна для 85% населения России в целом и для 96% жителей Крыма.

Крымский сюжет, кроме всего прочего, послужил своеобразным маркером и катализатором национального консенсуса в России. В ходе крымских событий полностью выявились контуры этого консенсуса.

Но консенсус не успел сложиться до конца и получить признание.

В 2014 году, в этот переходный период, русской идентичности был нанесён удар извне, в связи с переворотом на Украине, который носил ультраправый характер. Украину начали использовать в качестве плацдарма для разрушения русской идентичности и российской государственности.

События майдана и связанный с ними рост неонацизма подняли уровень русофобии как за пределами России, так и внутри страны. Её мишенью стал государствообразующий народ России, главная опора российской государственности. Инструментом разрушения российского государства была выбрана агрессия против русских, которая началась как дискриминация на языковом и культурном уровне, а закончилась военными преступлениями.

Эксперты констатируют проведение политики силового «выравнивания» национального состава многонациональной Украины. Этот процесс вызывает в памяти дерусификацию русин в Галиции и турецкую политику в отношении армян в начале XX века.

Именно эта ситуация и её исторические предпосылки описаны и проанализированы во втором сборнике – «Плаха». Авторы «Плахи» уделили внимание попыткам разрушения русской и советской идентичностей, их ложному противопоставлению, а также современным проявлениям русофобии, явлению дехристианизации и феномену неолиберальной «проектной идентичности».

В третьем заключительном сборнике этой серии будут рассмотрены некоторые явления социокультурной динамики современной России. От того, какую общественную повестку мы примем, в рамках какого ряда символов и модальностей мы будем её обсуждать, зависит очень многое. А именно: сохранятся ли русские как нация и исторический субъект, сохранится ли Россия как единое государство, сколько миллионов человек будут проживать на территории России, по каким учебникам будут учиться школьники и что мы будем думать о самих себе. От того, о чём, с кем и как мы будем говорить в ближайшие годы, без преувеличения, зависит наше будущее.

Мы поместили сборник «Плаха» в хронологическую рамку 1917-2017 годов. Это не случайно. Ситуация, в которой оказалось сегодня наше общество, – результат длинной цепочки исторических причин и следствий. В значительной степени эти причины и следствия порождены геноцидом русских, который начался в 1914 году на территории Галиции, был продолжен в ходе этнической войны 1941-1945 годов, когда вместе с русскими под удар попали и дружественные ему народы, и, наконец, нашёл новое продолжение в 2014 году на Украине.

Отметим, что на фоне украинских событий некоторые известные и влиятельные политические группы в России открыто поддерживали идею российского аналога украинского «майдана», призывали к нарушению территориальной целостности страны и открыто выска-

зывали антирусские неонацистские идеи, прикрывая их либеральной риторикой.

Почему русские попали под удар не только в местах компактного проживания, то есть на территории «русского мира», но и в самой России? Следует понимать, что описанный авторами «Перелома» (первого сборника) левый консерватизм, то есть сочетание традиционных ценностей и социальной справедливости, составляет ту основу, которая сформировала историческое сознание русской нации. Поэтому как раз такие взгляды становятся причиной политических репрессий и русофобии, в рамках которой можно услышать суждение о русских как о «потомственных рабах», «генетическом мусоре», «ордынцах», «совках», «ватниках» и т.д. Этот язык вражды и связанная с ним лингвистическая агрессия направлены на лишение русских права на идентичность и историческую субъектность на символическом уровне. Если на Украине эта атака уже дополняется политическим и военным террором, то в России мы наблюдаем пока только информационную борьбу. При определённом изменении политического расклада сил в законодательных и исполнительных органах власти всё может мгновенно измениться.

Речь идёт не о горделивом возвеличивании русского народа, не о приписывании ему каких-то особых положительных черт по сравнению с иными народами. Авторы наших сборников не страдают болезненным местечковым национализмом. Речь идёт об использовании русофобии как политической и военной технологии. Цель современной русофобии – выбить наиболее мощную социальную опору из-под фундамента российского государства. Государствообразующая нация – русские – сегодня находится под угрозой. Это главная национальная проблема, которая должна стать основным вектором политических процессов в России, если мы не хотим потерять страну.

Исходя из сказанного, следует констатировать: главная национальная задача сегодня – и об этом говорят многие статьи сборника «Плаха» – это полное и официальное признание российской политической элитой геноцида русских как исторического факта. Это отправная точка

для любого разговора о современной политике и усилий по сохранению самой российской государственности. Вне этого условия разговор будет происходить в виртуальной системе координат.

Одновременно должно произойти признание русских крупнейшим из разделённых народов, о чем говорил В.В. Путин в своей «Крымской речи».

Данную задачу невозможно решить без помощи государства. В случае уклонения от решения этой задачи сама основа российской государственности неизбежно разрушится. Как бы нам ни хотелось избежать этого неумолимого выбора, такой альтернативной возможности сегодня объективно нет. Эта жёсткая ситуация задана не нами, а теми, кто оспаривает наше право на историческое будущее.

Только опора на русских как политический и исторический субъект позволит сохранить российское государство.

Русский народ

Русский народ может исчезнуть, если в нём не проснётся желание жить. Если он не осознает, что опасность исчезновения реальна. Один из инструментов стирания народа с карты мира — геноцид и разжигание ненависти, которая называется русофобией. У Набокова есть роман «Приглашение на казнь». В конце романа главного героя должны казнить. Уже и палач рядом. А герой говорит себе: «Я не хочу умирать» И это «не хочу» вдруг начинает в нём расти, увеличиваться. И он сам тоже начинает расти. Все палачи и зрители по сравнению с ним становятся маленькими и ничтожными. Тогда он просто встаёт, выпрямляется и уходит. Потому что он *не захотел* умирать. Если русский народ не захочет, он не умрёт. И дело здесь не в материнском капитале, не в регламентации аборт, не в государственных демографических программах. Это всё чрезвычайно важно и нужно. Но это второй шаг. А первостепенное — то, что внутри нас. Это желание БЫТЬ. Это почти религиозное чувство. Это как молитва. Она сильнее ядерного оружия.

ЯДРО ТРАДИЦИИ

Устами Ангелы Меркель Евросоюз поставил под сомнение политику мультикультурализма. Объяснили это тем, что турки и пакистанцы не желают интегрироваться в европейское общество и расставаться со своей идентичностью.

Мне же кажется, что вопрос о миграции вторичен. Главная причина в том, что сами правила игры в глобальном мире начали меняться. Мультикультурность начали потихоньку отправлять в утиль не потому, что она «не удалась». Не потому, что мигранты оказались малокультурными и трудновоспитуемыми. А потому, что новое время потребовало новых концептов.

Проект глобального Запада потерял экономическую устойчивость и был поставлен под сомнение самими его создателями. Пришло понимание того, что глобализация достигла своих пределов и оказалась менее рентабельной, чем полагали. Поэтому начинается откат, обратный процесс. А это предполагает новый запрос – запрос на идентичность и традицию.

Иными словами, исторические и национальные общности вновь приобретают большое значение. Они становятся гарантом устойчивости в нестабильном и неустойчивом мире, который сейчас вступил в полосу турбулентности.

Что мы видим сегодня? Растущую популярность национал-консервативных партий на Западе. Рост фундаменталистских движений на Ближнем Востоке и националистических идей в Восточной Европе. В то же время в мире нарастает регионализация. То есть увеличивается значение региональных союзов, рынков и валют.

И всё это происходит на фоне осознания того, что США всё менее способны контролировать планетарные процессы и потому вынуждены переходить к силовым методам. Глобальный проект как нечто единое понемногу сворачивается, но пока что на условиях и к выгоде самих

глобализаторов. Но главное то, что на этом фоне резко увеличивается спрос на идентичность и традицию. Идентичность, традиционализм получают право на открытое политическое высказывание.

Сегодня идентичность и традиция снова в цене. Причём выигрывает в политическом споре тот, чья идентичность более прочная и устойчивая. Рыхлость идентичности напротив, ведёт к утрате политических и геополитических позиций.

Обратимся к русской традиции и российской идентичности. Кажется бы, что может быть проще – назвать ряд важных для общества культурных символов, исторических событий и знаковых фигур, ценностей и табу. А дальше заявить: вот это и есть наш гештальт, наш образ, наш коллективный опыт, основа национальной традиции. А внутреннее чувство общности по отношению ко всему перечисленному – это наша идентичность.

И всё бы хорошо, только непонятно, почему тогда тема российской идентичности вызывает столько вопросов, будучи одной из самых проблемных в научных дискуссиях. Откуда трудности?

Начнём с того, что мы четверть века пребываем в так называемом «постсоветском» переходном периоде, который уже стало неприлично называть «переходным». Страна четверть века находится в состоянии бесконечного перехода, а свою идентичность так и не сформировала.

Что мы имеем сегодня в запасе?

Первое. Дореволюционный «романовский проект» был основан на негативной идентичности России как «не вполне» западной страны. Интеграция в сферу глобальных интересов XVIII-XIX веков, то есть обслуживание западной экономики нашими хлебными поставками делало модернизацию в крепостной России невозможной и обрекало её на отсталость.

Второе. Мы имеем советскую идентичность, скрепляемую идеей построения многонационального социального государства. Но эта идея перестала быть объединяющей, уступив место ориентирам общества потребления.

Наконец, третий постсоветский либеральный тип идентичности. Хочу особо отметить, что либеральные идеи в России постоянно путали и продолжают путать с идентичностью. Важно понимать, что как раз в США этой подмены не существует. Там есть чёткое понимание: идентичность и традиция – это неприкосновенный культурно-исторический ресурс, а либерализм, консерватизм или социал-демократизм – не более чем технологии.

Нам же в качестве идентичности либеральные технологи навязывают ложные тезисы об исторической «коллективной вине» за советский период; о неспособности россиян к самоорганизации, о нашей природной вороватости, а то и о генетической склонности к фашизму.

Что, тем не менее, можно и нужно делать?

Для начала необходимо понять, какое социокультурное и историческое содержание даёт о себе знать при любых политических режимах, в любые эпохи. Это и есть ядро традиции. Таким ядром в России является, пишу об этом уже не в первый раз, – «православная этика и дух солидаризма». Речь идёт не об искусственном усилении церковного влияния, а именно о христианской этике и, говоря современным языком, о социальном государстве. Это и есть те самые духовные ценности, о которых сегодня принято так много говорить.

Совершенно очевидно, что в силу этих принципов в России невозможен сценарий унитарного национализма. Того самого, который в начале XX века толкал Кемаля Ататюрка к геноциду армян и который в начале XXI века вылился в геноцид русских на Украине. Русская и российская идентичность основаны на религиозно-этической, а не на этнонациональной идее.

Одним из важных элементов реальной российской идентичности сегодня является ирредентизм – идея воссоединения самого крупного на сегодняшний день из разделённых народов мира – русского народа. Воссоединение, но не насильственная русификация других этносов.

Условием окончательного формирования идентичности, то есть рождения нации в России является, во-первых, преодоление истори-

ческих разрывов традиции; во-вторых, необходимость найти пути соединения «секулярного» и «религиозного», в-третьих, преодоление конфликтов между староверами и никонианами, между красными и белыми, и так далее.

Ещё одно – четвёртое – условие: наличие общественного проекта. Ни одна большая страна не может жить и не живёт «по обстоятельствам». Лишь соединение собственного коллективного образа с желаемым образом будущего позволяет традиции работать, а идентичности развиваться. Только в этом случае традиционализм не ведёт к исторической инкапсуляции.

И, разумеется, важна политическая воля. Российская идентичность не может и не должна приобретать размытые формы, поскольку речь идёт о защите национальных интересов.

Интриганство — это свойство личности, а не структуры, в которой находится личность. Это такое состояние, при котором личность наполняется ложным содержанием. Интриганство увлекает человека, даёт ему ощущение наполненности, ощущение движения, действия, борьбы. Но на деле человек, охваченный этой болезнью, движется не вперёд, а по кругу, это его выматывает и опустошает. И ничего не даёт взамен, потому что в интриганстве отсутствует творческое начало.

Много лет тому назад, ещё в советские времена, я работал в Ленинграде в угольной кочегарке на углу Невского и Садовой. Рядом находилось отделение милиции, сотрудники которого приходили к нам уничтожать списанные документы: погашенные паспорта, уголовные и административные дела. Сжечь их быстро было невозможно, и они уходили, высыпая из мешков бумагу прямо на пол перед топкой. Я перебирал рваные паспорта умерших, осуждённых или вышедших замуж. Знаете, это располагает к размышлениям о бытии. А однажды всю ночь читал огромное административное дело — тяжбу сотрудниц машинописного бюро между ними самими и их начальницей. Страница за страницей разворачивались сложнейшие многолетние интриги, которые плели эти женщины друг против друга. Эти интриги увлекли меня, я погрузился в их атмосферу, они окутывали меня, я не мог от них оторваться. Я запомнил по именам участниц, болел за одних и осуждал других, выносил свои вердикты и ожидал (воспитанный на Голсуорси и Достоевском) какой-то важной содержательной развязки. К утру я был душевно истощён. Там не было ничего, кроме сладострастия, возбуждаемого завистью. Я вдруг понял, что ничего содержательного у этих женщин никогда не произойдёт и не может произойти, что я попал в плен чужих соблазнительных химер, что интрига — это пустота, видимость действия при полном отсутствии действия. Это был неожиданный и полезный опыт.

Мы живём в период кардинальной переоценки ценностей. Одним из её проявлений стала реабилитация неофашизма в Европе. Эти процессы нередко определяют как «архаизацию неолиберализма» и «новое варварство». Ответом на архаизацию становится раскручивание «спирали пассионарности», характерное не только для мировых окраин, скажем, на Ближнем Востоке, но и для Центральной Европы. Это означает, что роль традиционалистских групп в обществе резко, скачкообразно возрастает. Национальная и конфессиональная идентичность из этнокультурного феномена превращаются в мощный политический фактор и получают право на прямое политическое высказывание.

Мир, как это уже было в XIX-XX веках, оказывается перед проблемой nation state и конфликтом секулярного и религиозного — вспомним ситуацию с ИГИЛ или историю с французским «Шарли Эбдо».

Понятие «идентичность» принято определять через набор известных параметров («квадрат идентичности»): язык, конфессия, этничность, общая историческая судьба и гражданско-правовое пространство. Но с точки зрения психологии идентичность есть нечто вроде коллективной Я-концепции — ответ общества на вопросы «Кто мы?», «Откуда и куда идём?», осознание исторической миссии. Исходя из этого, можно определить русскую идентичность как идентичность, основанную на традиции восточно-христианской византийской культуры, которая включает в себя элементы демократического централизма (феномен «народной монархии»), симфонию светского и религиозного, стремление к примату морали над правом и некоторой социальной эгалитарности. Причём эгалитарный аспект именно на русской почве получил дополнительное значение и развитие.

Всё это ныне выступает, разумеется, в исторически трансформированном виде. Параметры современной русской идентичности тесно связаны с идеей социальной справедливости. Самое важное и парадок-

сальное в этой связке – соединение, на первый взгляд, несоединимого. Дореволюционный мир и мир советский, исторически сошедшие некогда в непримиримой схватке, имеют, тем не менее, общие корни и в полной мере отражены в русской идентичности. Её динамический вектор определяется императивом поисков и построения «царства правды», где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ «Святой Руси», «сосуда истинной веры», и образ государства социальной справедливости, «общества равенства и братства» – всё это разные проекции одной идеи, части одного целого. Идея общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) – далеко расходящиеся вариации на одну и ту же тему.

Это и есть то общее в русской идентичности, что не в состоянии расщепить до конца даже революция. И гражданская война, как ни странно, ярко выявила в своё время это единство. Поскольку причина народной трагедии – не исторические катаклизмы сами по себе, а разрывы традиций, которые их вызывают. Русская история знает много таких разрывов. Это церковный Раскол, 1917 год, события начала 1990-х. Последний разрыв привёл к утверждению в России той экономической модели, которая имеет постпротестантские корни и находится в определённом противоречии с реальным историческим опытом народа.

Советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтничной нации и социального государства, безусловно, является неотъемлемой частью русской традиции. Но в 1990-е годы она была вытеснена социалдарвинизмом и принципами социальной евгеники. Этот социальный формат остаётся чуждым как духу социального государства и справедливого общества, так и духу апостольского христианства.

Советская компонента русской идентичности как важная часть исторического опыта народа была перечёркнута. Призыв к «десоветизации» объективно направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности.

Российская идентичность после 1991 года рассматривается как детский конструктор, наспех собираемый с помощью политехнологий. Комплекс либеральных идей в России был превращён в культ и его до сих пор путают с национальной идентичностью.

В результате сегодня Россия имеет население с нечёткой идентичностью. Вместо ослабленной, размытой, но исторически достоверной, обществу навязывается «альтернативная» идентичность, основанная на комплексе исторической неполноценности. Эта версия идентичности предполагает вытеснение из коллективной памяти сакральных смыслов русской истории. Отсюда насмешки либеральной прессы над акцией «Бессмертный полк».

Гражданский конфликт в России представляет собой именно конфликт идентичностей – традиционной и квазилиберальной. В результате навязывания последней возникает дезориентация русского общества. Одним из инструментов такого навязывания является поощрение конфликтов между советским и несветским, между светским и религиозным, между красными и белыми.

В итоге реальная идентичность слабеет, стирается, вытесняется множеством групповых, в том числе региональных: кёнигсбергской, сибирской, поморской, ингерманландской и пр. На месте каждого разрыва возникает вакуум идентичности. Обществу, пребывающему в этом состоянии, легко навязать мифы о нём самом.

Сказанное свидетельствует о том, что наше общество переживает кризис идентичности. Это провоцирует в России рост русофобии, ведёт к дальнейшей эрозии общих ценностей, релятивизму, карнавализации важных идей и символов, к вытаптыванию символического пространства общества – той питательной среды, в которой как раз и живёт идентичность.

Условием укрепления русской идентичности является синтез или, говоря языком семиотики, взаимный перевод разных историко-культурных кодов, составляющих единое знаковое пространство русской традиции. В частности, советских (код «социальной справед-

ливости») и христианских ценностей (евангельский код). Буквально это означает, что мы должны уметь рассказывать на светском языке о православной «святой Руси», и наоборот, в рамках исконно русской и неовизантийской традиции – о ценностях общества социальной справедливости. Тогда русская идентичность укрепитя, а русская традиция получит мощный толчок к развитию.

Что я люблю. И что не люблю

Я не люблю ежедневно просыпаться ровно за минуту до подъёма и ждать протяжного крика дневального «рооооооо...тааа...». Рота ещё спит, а дневальный в наряде с двух ночи. Он хочет спать как сволочь, но торчит на тумбочке, слушая посапывания и почёсывания доброй сотни тел. И поэтому вкладывает в свой нечеловеческий крик всё злорадство и всё удовольствие от этого злорадства. Я не люблю именно эти подлые мхатовские пять секунд, которые разделяют протяжное «рооооооо... та...» и короткое, как выстрел, «пааДЪЁМ!». Эти пять секунд длятся невероятно долго, ты понимаешь, что они неотвратно упадут на тебя, как нож гильотины. Нервы сматываются в клубок, мышцы сжимаются в пружину, ночные свободные мысли сплюсциваются в точку и теряют содержание. Удар! «ПааДЪЁЁЁЁМ!» Всё раскатывается, разжимается, разворачивается и твоё уже совершенно бессмысленное тело слетает с койки в сапоги и летит на плац под крик ротного «оправитьсяяяназарядкустройсяя!!!»

Я люблю строевой шаг. Проспект. Пять утра. Дремотный военный город в пыли и жаре. Рота идёт походным шагом в шеренгу по четверо. Раз-раз, раз-два-три. На товарную станцию. Разгружать пришедшую в округ из Белоруссии картошку. Настроение средней паршивости. Хочется пить. Вдруг ротный подаёт команду «На месТЕ!». Колонна останавливается, вяло марширует на месте, почти не сгибая ноги в коленях, перетаптываясь, как пионеры на линейке. Ротный начинает заводить механизм:

– Ираз, праз, праз-два-три! Ираз, праз, праз-два-три! Ираз, праз, праз-два-три!

Дыхание учащается, мы уже догадываемся, что сейчас произойдёт...

– Ираз, праз, праз-два-три! Рота!!

После этого призывного звука — «Рота!» — всё становится понятно.

— «Строевым шагОООм!»

И великолепная мхатовская пауза. О! Сколько сил в этой пятисекундной паузе. Сколько энергии, сколько ожиданий и надежд. Рука жёстко сгибается в локте, пальцы сжаты, лёгкие колени, как мячи, взлетают к пряжке со звездой. Тело уже подалось вперёд. Когда же, когда же команда!? Уже не терпится «ударить».

— Прямо!

Вес тела уже целиком на правой ноге, левая вытягивается в струну! Ну же! Давай!

— Маршшш!

И первый, самый мощный удар. Всей подошвой. Одновременно сто подошв! Плоско, твёрдо, молча, навсегда.

— Ираз, ираз, ираз-два-три!

И ты уже не один, а сто. И сто уже не сто, а один. Никогда и нигде я не ощущал такого единения русских, как в этом строевом шаге, который молотил сапогами по той жаркой мостовой. Целеустремлённо, смело и непобедимо. И молодой капитан впереди.

Рота умирает за командира. Он и отец, и идея, и родина. Побеждают только так.

P. S. И последнее. Вы знаете, почему русские победят американцев? Потому что американцы за свою родину готовы убить, а русские за свою родину готовы умереть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	4
ГДЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ИЩУТ НЕФТЬ	6
Бахрах	9
НАЗАД, К ЗАБОЛОЦКОМУ!	10
Соляженицын	13
ПОЭЗИЯ ОХАПКИНА И АРХЕОАВАНГАРД	14
Квадрига	20
РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОБЕЖДАЕТ	22
Крещение в Тарусе	24
РЕАБИЛИТАЦИЯ ЦЕРКВИ	25
Верь, проси и не бойся	28
СОЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ПРАВОСЛАВИИ	29
Преображение	33
ГУМАНИЗМ КАК КВАЗИРЕЛИГИЯ	34
Традиционалист	37
БОЖЬИ МЕЛЬНИЦЫ ТРАДИЦИИ	38
Все остальные	43
ХРИСТИАНСКАЯ РОССИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЕ	44
Барды	49
МИФЫ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	50

Немецкий автопром	55
ПРАВО ДАВАТЬ ИМЕНА	56
Бесцеремонность	59
ХИМЕРЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ВИНЫ	60
Счастье	63
ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ	64
Хоккей	69
РАСИЗМ И ЭКОНОМИКА	70
Дора Марковна	75
ЖИЗНЬ БЕЗ МИССИИ	77
ЕГЭ	81
МЕЖДУ ПИАРОМ И ЖУРНАЛИСТИКОЙ	82
Амнистия	86
КОНСЕРВАТИЗМ КАК ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ФАШИЗМА	87
Марипуль	90
МЫ ВОЕВАЛИ С НАЦИСТСКОЙ ЕВРОПОЙ	91
Хозяин, работа есть?	95
ЭКСУМАЦИЯ ФАШИЗМА	96
АЗС	100
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ДЛЯ ДЕРЖАВНИКОВ	101
У мёртвых есть права	105

РУССКИЙ МИР И ПРОБЛЕМЫ РУСОФОБИИ	106
Соборование	110
ПЕРЕЛОМ И ПЛАХА	111
Русский народ	115
ЯДРО ТРАДИЦИИ	116
Интриганство	120
ВАКУУМ ИДЕНТИЧНОСТИ	121
Что я люблю. И что не люблю	125

Щипков Александр Владимирович – общественный деятель, писатель, политолог, публицист, главный редактор интернет-журнала RELIGARE, один из ведущих специалистов в России по религиозно-политической ситуации в стране и мире.

Автор книг:

- Во что верит Россия. – СПб., 1998.
- Соборный двор. – М., 2003.
- Христианская демократия в России. – М., 2004.
- Территория Церкви. – М., 2012.
- Религиозное измерение журналистики. – М., 2014.
- Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. – СПб., 2014.
- Национальная история как общественный договор: от экономического гегемонизма к консенсусу традиций. – СПб., 2015.
- Диалектика экономического и религиозно-этического в становлении русского социал-традиционализма. – М., 2015.
- Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы. – СПб., 2015.

Александр Владимирович Щипков

ДО И ПОСЛЕ ПОЛИТИКИ

Редактор

Анастасия Климова

Подписано в печать 30.09.2016
Формат 60x84/₃₂. Объем 7,6 усл. печ.л.
Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-98604-573-3

Отпечатано в издательстве «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru